

**НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ во время
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 года
под редакцией и с предисловием Б. Б. Беккера**

М.-Пг.: государственное издательство. 1922. 60 с.

Беб-публикация: Vive Liberta, 2011
к 140-летию Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Оглавление

Предисловие

Комиссия народного просвещения

Начальная и профессиональная школа

Высшая школа

Библиотека и музей, театр и народные концерты

Союзы артистов и художников

Клубы, политической просвещение

Заключение

Примечания

Список цитированных книг

Предисловие

Работы этого и других авторов, посвященные Парижской коммуне, фильмы и радиопередачи
можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>
http://community.livejournal.com/znanie_vlast/
<http://politazbuka.ru/>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа в основной части своей является докладом, прочитанным весной текущего года в рукоцитрием мою семинарии по истории Парижской Коммуны 1871 г. при Петроградском Университете. Юный автор ее (представивший, кроме предлагаемой работы, еще три реферата: «Центральный Комитет национальной гвардии до 18 марта»; «Выборы 26 марта и дополнительные выборы 16 апреля»; «Женщины и Коммуна») отнесся к заданной теме с большим рвением и собрал столь богатый и интересный материал, что опубликование его работы я считаю вполне уместным.

«Строго научных разработаний истории Коммуны только еще неизвестно», — справедливо замечает автор новейшей истории Парижской Коммуны Н.Лукян-Антонов. Общие контуры истории Коммуны можно считать более или менее установленными, но появление действительно научного труда о Коммуне 1871 г. должен предшествовать целой ряд детальных исследований отдельных вопросов и моментов из истории 72-дневного господства парижского «предпролетариата». Много вопросов будут окончательно выяснены лишь тогда, когда мы для всестороннего освещения их сможем привлечь, помимо печатных, и архивные данные доступ к последним пока что все еще закрыт. Что касается русских историков, то они в настоящее время лишены возможности воспользоваться даже всеми печатальными источниками ознакомления с первоначальной печатью эпохи Коммуны и с некоторыми во многих отношениях весьма ценных мемуарами и памфлетами возможно лишь в Париже.

В особенно запутанном положении оказываются петроградские исследователи в их распоряжении нет даже такого важного первоисточника, как «Journal Officiel» (имеющийся в Москве в библиотеке при Социалистической Академии, вообще весьма богатой литературой по истории Коммуны). Невозможность ссылок на этот источник и замена его неофициальным «Journal des Journaux» несомненно является моментом, могущим существенно обесценить значение настоящей работы.

Тем не менее, я считаю возможным предложить ее вниманию читателя и критики. Н.Лукян-Антонов в своем труде, посвященном, исчерпал весь материал, имеющийся в «Journal Officiel» по вопросу о народном просвещении, и А.И.Молок не преминул взять оттуда все, что осталось ему неизвестным на основании изучения других источников и пособий. Читатель, знакомый с историей Парижской Коммуны по книгам Лиссагара, Ариу, Дибрельса, Талеса убедится, что автор собрал материал, освещающий законодательство и быт Коммуны в интересующем его отношении гораздо полнее, чем это сделано в указанных или вообще в каких-либо трудах о Парижской Коммуне. Критик же, пожалуй, что перед ним — работа студента, не предъявляет к ней слишком строгих требований.

Б. Б. Беккер

Петроград, июнь 1922 г.

1.

Комиссия народного просвещения. Вальян.

19 марта 1871 года, на другой день после бегства в Версаль правительства Тьера и регулярной армии, Центральный Комитет национальной гвардии, ставший волею революции хозяином Парижа, delegировал своих комиссаров («дeлегатов») для управления министерствами и другими правительственными учреждениями. Такого делегата получило и министерство народного просвещения¹).

Повинуясь приказаниям Тьера, чиновники всех ведомств массами бежали из Парижа. «Ни в ратуше, ни в министерствах, ни в мэриях не осталось ни одного чиновника»,—пишет член Коммуны Артур Арен,—когда я с Наскалем Грусс вступил в министерство иностранных дел; привратник и полотер были единственными нашими проводниками и, не имея возможности дать нам других разъяснений, по крайней мере, познакомили нас с топографией здания²).

Известно также, с каким трудом удалось наладить работу в почтовом ведомстве и то лишь благодаря деятельной помощи нашего служебного персонала, в большинстве оставшегося на своем посту³).

Министерство народного просвещения, вероятно, не было счастливее других, хотя мы не имеем точных сведений о состоянии этого ведомства под управлением представителя Центрального Комитета, т.-е. в период времени между 19 и 28 марта.

26 марта происходили выборы в Коммуну, а 28-го торжественная передача сї власти Центральным Комитетом. 29-го, в первом деловом заседании, Коммуна разбралась на десять комиссий: исполнительную и девять специальных для управления различ-

Париж хочет чтобы сын крестьянина
получал т. же образование
как и сын богата и притом даром
потому что наука есть достояние всех
и не менее необходима для жизни
чем злата для греческих

Из воззвания Коммуны к французским крестьянам

ными ведомствами. В комиссию народного просвещения (*commission de l'enseignement*) записалось восемь членов Коммуны. Это были: известный революционер и журналист, главный редактор газеты «*Cri du Peuple*» Жюль Вальз, популярный в предместьях старик-рабочий Демо, бывшие народные учителя Огюст Вердюр и Урбэн (*Urbain*), доктор Гуниль, доктор Робинэ, адвокат Эрнест Лефевр, сотрудник умеренно-республиканского органа «*Rappel*», и профессор Альбер Леруа ⁴).

В том же заседании Коммуны выработана следующая краткая инструкция для деятельности комиссии, к которой перешли функции бывшего министерства народного просвещения: «Комиссия просвещения займется реформой образования. Она должна будет разработать проект декрета о введении обязательного, бесплатного и исключительно светского образования, а также озабочиться увеличением числа стипендий в лицеях» ⁵.

Комиссия не имела постоянного председателя и должна была работать на началах коллегиальности, т.е. полного равноправия всех своих членов, хотя преобладающую роль играл в ней на первых порах, повидимому, Жюль Вальз ⁶).

1 апреля доктор Гуниль был назначен «управляющим делами ведомства народного просвещения» (*administration des services de l'instruction publique*) и в качестве такового объявил, что будет принимать по делам ведомства ежедневно от 2 до 4 часов в помещении бывшего министерства ⁷.

Работе комиссии просвещения сильно мешали постоянные перемены в ее личном составе. Социально и политически не однородный (четырем революционерам противостояли четыре умеренных республиканца, из которых трое, Леруа, Гуниль и Робинэ, были в Коммуне представителями одного из самых буржуазных округов Парижа, VI — округ Luxembourg) этот состав оказался непрочен. С 31 марта доктор Робинэ и профессор Леруа не принимают больше участия в работах комиссии. Увидя себя на одной скамье с подавляющим революционным большинством, эти «друзья порядка» поспешили выйти из Коммуны. Их место в комиссии просвещения заняли решительные революционеры, поэт-публицист Ж.-Б. Клеман и 60-летний аптекарь Жюль Мю, один из изгнаников 2 декабря (1851 ⁸).

Но и этот обновленный состав комиссии подвергается дальнейшим изменениям. Конфликт между Парижем и Версалем, передавший 2 апреля в вооруженную борьбу, во вторую осаду Парижа, не на шутку перепугал остававшихся еще в ратуше друзей «партии порядка». Адвокат Лефевр 6 апреля и доктор Гуниль 11 апреля подали в отставку ⁹). На этот раз замены не произошло, и состав комиссии просвещения сократился до 6-ти членов. В этом третьем составе комиссия работала до 20 апреля, когда произведена была реорганизация всех комиссий Коммуны. По предложению Делеклюза решено было для каждого ведомства назначить по одному ответственному «делегату» (на правах полномочного ministra), придав ему в помощь подчиненную емусовещательную и контрольную комиссию. Таким делегатом по ведомству народного просвещения избран был бланкист Вальян, врач по профессии, избранный 21 апреля, вошли: знаменитый художник-реалист Гюстав Курбе (член Коммуны со временем дополнительных выборов 16 апреля) и четыре члена прежней комиссии просвещения: Вердюр, Жюль Мю, Жюль Вальз, Ж.-Б. Клеман ¹⁰).

Необходимо несколько остановиться на личности делегата просвещения Вальяна, ибо с его вступлением на пост ответственного руководителя ведомством народного просвещения Коммуны, работа этого ведомства приобрела больше твердости и энергии.

Эдуард Вальян ¹¹ (Marie-Edouard Vaillant) родился в 1840 году в городе Вьерзон (департамент Шер), на юге Франции, учился в Париже и закончил свое образование в германских университетах. Он изучал медицину, а также философию и право, увлекался Гегелем, интересовался и социальными вопросами. В августе 1870 года ему пришлось покинуть Германию: вспыхнула франко-прусская война, которую он, заклятый враг милитаризма, проклинал всем сердцем.

Во Францию Вальян примикинул к Интернационалу и принимал деятельное участие в собраниях в Кордери. Во время осады Парижа он приобрел большое влияние в среде рабочих, сказавшееся на выборах в Национальное Собрание 8 февраля 1871 года, когда он получил 49.340 голосов, но в депутаты не попал.

19 марта 1871 года Центральный Комитет национальной гвардии делегировал его в министерство внутренних дел. 26 марта избиратели VIII округа посыпали его в Коммуну, где он был избран в состав первой Исполнительной Комиссии. В Коммуне Вальяя примыкал к большинству, голосовал за Комитет Общественного Спасения и резко критиковал слабость и нерешительность Коммуны, называя ее «маленьким болтливым парламентом» (*un petit parlement bavard*)¹²⁾. С виду уравновешенный, холодный, «типа настоящего студента из Гейдельберга», с лицом, утомленным от научных занятий, с голосом мягким и негромким, молчаливый идержаный, это был горячий революционер, неотъемлемый враг деспотизма (см. его статью против прописок Орлеанских принцев в *«Journal Officiel»* Коммуны от 28 марта, которую, по справедливости, можно назвать «апологией цареубийства»)¹³⁾.

О деятельности Вальяя, как делегата народного просвещения, речь будет ниже; скажем только, что свои главные усилия он направлял на то, чтобы вырвать школу из рук духовенства. После разгрома Коммуны Вальяну удалось бежать в Лондон, где он сделался членом Генерального Совета Интернационала. Военный суд Версаля заочно приговорил его к смертной казни. После амнистии Вальян возвратился в Париж и в 1884 году был избран членом муниципального совета города Парижа. После смерти Бланки он сделался фактическим главой партии бланкистов и принимал деятельное участие в социалистическом движении во Франции. В 1893 году он был избран в палату депутатов от департамента Сены. Умер в 1915 году¹⁴⁾.

В совещательной комиссии при делегате народного просвещения не было строгого распределения обязанностей между ее пятью членами. Из них Огюст Вердер занимался вопросами профессионального образования; Жюль Валлэс руководил начальной школой, но, занятый одновременно в нескольких комиссиях, мало проявил себя в этой сфере; Густав Курб ведал главным образом музеями и картиными галереями. Остальные два члена комиссии, старик Мио и поэт-публицист Ж.-Б. Клеман, не принципиали активного участия в работах комиссии.

Административный аппарат Коммуны, как известно, не отличался особенной законченностью и централизацией. Просматри-

вая изданные Коммуной постановления в области просвещения, находим то декреты от лица Коммуны в целом, то постановления Исполнительной Комиссии, то циркуляры и распоряжения делегата Вальяна и комиссии просвещения и даже два распоряжения «делегата по министерству внутренних дел и общественной безопасности»¹⁵⁾. С другой стороны, большую самостоятельность в некоторых вопросах проявляли окружные муниципалитеты Парижа (районные «коммунальные комиссии», заменившие прежних меров).

2.

Начальная и профессиональная школа.

Работа комиссии просвещения предстояла громадная. Нужно было очистить «авгиевы конюшни» второй империи.

С 1850 года низшая и средняя, а отчасти и высшая школа находились в сильнейшей зависимости от церкви. Об этом красноречиво свидетельствует рост церковных (конгрегационных) школ в годы империи. В 1850 г. во Франции насчитывалось 50.267 светских и 10.412 церковных школ, а в 1863 г. (т.е. через 13 лет) 51.555 светских и 17.206 церковных. В тот же период времени светские школы приобрели 376.080 учеников, а церковные — 588.000. Между тем за семилетие (1843—1850) прирост церковных школ составлял лишь 2.699 школ. «Итак, закон 1850 года (закон Фаллу), — пишет историк второй империи Альбер Тома, — принес те плоды, которых от него ожидала католическая партия: «ужасные мелкие риторы и эмиссары революции», т.е. народные учителя с республиканскими или социалистическими тенденциями, были выдворены вон из деревень и крупных промышленных центров. Торжество церкви обеспечивало верноцдадничество народа и его покорность»¹⁶⁾. Струя либерализма, внесенная в последние годы империи министром народного просвещения Виктором Дюрюи (1863—1867), не могла, конечно, в корне изменить положения народного образования. Правда, благодаря его усилиям, значительно возросло число женских начальных школ, как городских, так и сельских. Но господство церкви в школе не было сломлено, да и не могло быть

сломлено, так как церковь была вернейшим союзником империи и крупной буржуазии¹⁷).

«Образование оставалось в руках монахинь, невежественных монахов и жалких учителей. Эти учителя, плохо оплачиваемые, голодные, прислуживающие попу, вынужденные бояться гнева полевого стражника, мера, ректора, епископа, министра, окончательно падают духом и нравственно опускаются. Образование, идущее из их вероломных или невежественных рук, не только не угрожает власти, но становится его лучшей опорой, обманывая учащихся»¹⁸.

В 1871 году, ко времени Коммуны, «Братство христианских школ» насчитывало в Париже и окрестностях 2.240 школ с 7.450 классами и 396.000 учеников¹⁹.

Естественно, что главной заботой Коммуны было вырвать школу из рук духовенства. Преподавание катехизиса отменялось, монахи и монахини заменились светскими учителями и учительницами, предметы религиозного культа удалялись из школьных помещений. Но особого декрета об этом Коммуной первоначально издано не было, — и потому работа в этом направлении велась недостаточно энергично. «В некоторых округах Парижа, — пишет в своем дневнике 6 мая участник Коммуны Эли Реклю, (братья знаменитого ученого - географа), — монахини-учительницы давно удалены из школ, в других им все еще удается удерживаться»²⁰). Наиболее решительными в этом, как и во многих других отношениях, были населенные рабочими и ремесленниками Монмартр, Бельвиль и предместье Сент-Антуан, наиболее революционная часть Парижа.

Делегат просвещения неоднократно жаловался в заседаниях Коммуны на препятствия, задерживающие проведение реформы. 12 мая «Правительственный Вестник» (*Journal Officiel*) Коммуны напоминает преподавателям и преподавательницам о необходимости «удаления распятий, мадонн и других религиозных символов, которые еще остаются во многих школах и присутствие которых оскорбляет свободу совести». 14 мая приказ за подпись Вальяна, скрепленный двумя членами Комитета Общественного Спасения (Эд и Гамбон), предписывает окружным муниципалитетам и делегату общественной безопасности аресто-

вывать братьев и сестер монашеских орденов (*les congréganistes*), «не подчиняющихся декретам Коммуны и сопротивляющихся введению светского обучения». 17 мая в заседании Коммуны Вальян выступил с небольшой речью, в которой обрисовал трудности, замедляющие проведение в жизнь школьной реформы: «Я прошу членов собрания, — говорил он, — руководящих работой окружных муниципалитетов, высушивать меня внимательно. Коммуна вверила мне ведомство, в котором у меня часто возникают конфликты с некоторыми муниципалитетами, тогда как с другими дело обстоит как нельзя лучше. Преподавание далеко не стоит на должной высоте. Сегодня я хочу обратить ваше внимание на иезуитов. Они вмешиваются всюду и разными способами. Муниципалитеты, известные своим рвением, покончили с ними в два дня; в других же они все еще не изгнаны. Было бы крайне важно, чтобы, спустя два месяца после революции 18 марта, эти люди не попадались больше на глаза в наших школах. Пусть окружные муниципалитеты вложат больше усердия в это дело и в сорок восемь часов покончат с этим самым решительным образом». Коммуна, выслушав Вальяна, приняла следующее постановление, которое появилось на другой день в «Правительственном Вестнике»: «В виду предложения делегации по просвещению Коммуна постановляет: В течение сорока восемь часов будет составлен список всех учебных заведений, содержащих еще, несмотря на приказания Коммуны, членами конгрегаций. Имена членов Коммуны, делегированных в муниципалитеты округов, где приказаний Коммуны о введении исключительно светского обучения не будут исполнены, будут ежедневно публиковаться в «Правительственном Вестнике»²¹).

Реформа привлекла туго, как всякая новизна, встречая ожесточенное сопротивление со стороны католического духовенства, привыкшего во время империи смотреть на преподавание, как на свою монополию. Но на стороне Коммуны было, не говоря уже о рабочих, огромное большинство родителей из мелкой и средней буржуазии, средний класс, «вольтерианство которого оскорбляла империя, поручая воспитание его детей невежественным патерам»²²). Это признает и враждебный Коммуне журналист Филибер Одебран: «Нужно признать, — говорит он, — что, совер-

шая все эти насилия (удаление из школ религиозных эмблем и учителей-монахов), они (члены Коммуны) смело могли рассчитывать на моральную поддержку почти всей столицы»^{23).}

Набожный католик д'Арзак возмущается поведением светских учителей: «Первым делом их всюду было вынести все религиозные эмблемы из школ. В заведении на улице Сен-Жак одна учительница начала в классе с того, что заявила: «Дети мои, бога нет, нет больше и молитв, споемте Марсельезу». И в течение получаса эта женщина пела с детьми Марсельезу, там, где еще вчера шло религиозное обучение». / 27 апреля д'Арзак записывает в свой дневник: «Завтра сорок монахинь должны очистить детский приют «Прорвиденс», в улице Рейи, в Сент-Антуанском предместье. На этот раз они не будут застигнуты врасплох. Коммуна заранее предупредила их. Итак, маленькие сиротки из улицы Рейи будут воспитываться женщинами, которые не верят в бога! Днем раньше он записывает у себя в дневнике сообщение газеты «Patrie» про бунт маленьких учениц в школе братства св. Викентия. / Возмущенные тем, что их прежних учительниц-монахинь заменили три светских воспитательницы и что исчезли со стена при обычные иконы и распятия, девочки подняли страшный шум, рассыпали свои книжки и тетради и отказались слушаться новых наставниц. Пришлось прервать занятия. «Через два для матери, которые стоят за светское образование, привели детей назад в школу, объявив им свое твердое решение заставить их учиться». Монахи и монахини всячески возбуждали своих воспитанников против Коммуны и светских учителей, и сцены, вроде описанной нами, повторялись неоднократно. «Учитель, который явился заменить монахов в школу на улице Сен-Жак, был освистан учениками,— читаем мы у д'Араака (27 апреля), — поднялся такой шум, что он вынужден был обратиться к национальным гвардейцам, чтобы возвратить некоторый порядок в классе». Когда 5 мая из школы братства на улице Флерюс были удалены содержащие ее монахи, дети забунтовались против новых светских учителей. «Они вышли из класса возмущенные и направились домой, унося свои книжки и тетрадки. Размахивая линейками, они шли по улице и громко кричали: «Долой санкюловов! Долой Коммуну!»²⁴⁾.

Но, несмотря на все затруднения, реформа все же проводилась в жизнь. Вот другая бытовая картина, которую рисует журналист Мориак 21 мая в своем дневнике:

) «Сегодня утром, на улице Мучеников, мы встретили толпу приблизительно в 200 мальчуганов. Они шли рядами, имея впереди двух мальчиков, одного с барабаном, а другого — с маленьким красным знаменем. Они во все горло пели Марсельезу. Эта странная прогулка означала открытие светской школы, организованной стараниями Коммуны»^{25).}

А вот еще картина из быта парижских школ во дни Коммуны: «В наших школах единственная игра, в которую играют с увлечением и которая вытеснила все другие, это игра в граждансскую войну. На пригорках дети строят бастионы по имени Монтрету, Шатильон или Мон-Валерен (изложение форта под Парижем в районе ожесточенных боев между армией версальцев и патриотами, А. М.) и штурмуют их; бомбардируют «Париж» камнями и комьями земли. Проходя мимо, мы слышим разговор двух мальчуганов: один изображает Росселя, другой — Мал-Магона: «Завтра, после уроков, генеральное сражение. Ты будешь Исполнительная Власть, а я тебя поколочу»^{26).}

К участию в строительстве новой школы Вальян старался привлечь самые широкие круги общества. Так, 23/IV в «Правительственном Вестнике» было напечатано воззвание, приславшее всех лиц, изучавших вопросы общего и профессионального образования, присыпать в делегацию Коммуны по народному просвещению свои проекты школьной реформы^{27).}

Активную помощь в реорганизации школьного дела оказывало Коммуне педагогическое общество «Новое Воспитание» (Société d'Education Nouvelle). 26 марта на общем собрании членов общества в школе Тюро была избрана делегация в составе 6-ти человек (между ними Мария Вердюр, дочь члена Коммуны, Огюста Вердюра). 1 апреля эта делегация явилась в ратушу и вручила Коммуне письменную декларацию, содержащую целую программу реформ, которых Общество требовало от Коммуны. Основные пункты этой программы таковы: 1) полное отделение школы от церкви (изъятие из школ всех предметов религиозного культа, уничтожение преподавания молитв, догматов и катехизиса);

2) обучение бесплатное, доступное для детей обоего пола, обязательное в смысле права каждого ребенка на образование и долга родителей, опекунов или общества; 3) преподавание рационалистическое, всестороннее (*intégrale*), с применением метода экспериментального, или научного, т.е. исходящего всегда из изучения фактов, каковы бы они ни были: физические, моральные или интеллектуальные.

Интересно отметить, какое громадное значение придавало Общество воспитанию и образованию. Декларация начинается так: «Принимая во внимание, что вопросы воспитания, неразрывно связанные со всеми другими, являются самыми главными (*la question mère*), так как охватывают и возглавляют (*embrasse et domine*) все политические и социальные проблемы, и так как без разрешения их невозможны никакие серьезные и прочные реформы... напечатавшиеся делегаты общества «Новое Воспитание» требуют во имя свободы совести, во имя справедливости, в строчном порядке»... (следует перечисление требуемых реформ ²⁸).

Мы так долго остановились на этой программе потому, что ее можно считать как бы программой самой Коммуны, которая не замедлила пойти по пути реформ, изложенных в ней. Внешне эта идеологическая связь Коммуны с Обществом «Новое Воспитание» выразилась в том, что, когда 28 апреля Вальян учредил специальную подкомиссию по организации обучения (*commission d'organisation de l'enseignement*), он включил в нее двух членов Общества, Манье и Рама, подписавших упомянутую декларацию от 1 апреля ²⁹.

Требование «бесплатного, светского, всестороннего образования» (*instruction gratuite, laïque et intégrale*), неоднократно формулированное на конгрессах Интернационала ³⁰), постоянно встречается в устных и письменных заявлениях, как отдельных лиц, так и целых групп и организаций на протяжении двух месяцев существования Коммуны. Так, мы находим его в манифесте Федерального Совета парижских секций Интернационала и Федеральной Камеры рабочих объединений от 23 марта, в указе избирателей XIV округа своим представителям в Коммуне от 26 марта ³¹) и т. д.

Отклики этой программы мы встречаем, например, в предисловиях муниципалитета XVII округа: «Учителя школ и приютов должны употреблять исключительно опытный и научный метод, который исходит всегда из фактов физических, моральных и интеллектуальных» ³²).

«Комиссары Коммуны не ограничились введением светского обучения в коммунальных школах,— пишет очевидец лютеранский пастор и публицист Эдмон де-Прессанса,— они сделали больше, ввели то, что они называли «научно-экспериментальным методом», предложив учителям применять его к морали. Известно, что это такое; этот так называемый экспериментальный метод был не что иное, как позитивизм» ³³.

С самого начала Коммуне пришлось бороться со всевозможными затруднениями. Множество монахов и монахинь, а также и свергнутых учителей, повинуясь приказам из Версалия, побороли свои школы и последовали за бежавшим правительством. Комиссия просвещения прилагает все старания к тому, чтобы раздобыть недостающий для школ учебный персонал.

9 апреля «Правительственный Вестник» публикует следующее объявление:

«Парижская Коммуна приглашает граждан и гражданок, желающих получить какое-либо место в начальных школах города Парижа, подавать свои заявления с приложением документов в комиссию просвещения, в здании ратуши» ³⁴).— «В целях учета преподавательских сил, муниципалитетам было предписано доставить в центр сведения о личном составе преподавательского персонала (как светского, так и духовного), действительно находящегося при исполнении своих обязанностей в школах и приютах. Из центра назначались новые инспекторы, которые должны были следить за постановкой начального образования в округах» ³⁵.

Установив максимум содержания для чиновников коммунальных учреждений в 6.000 франков в год, Коммuna в то же время почти удвоила жалование народным учителям и учительницам, доведя его до 2.000 франков, а помощникам — до 1.500 франков ³⁶). (Таким образом, министр народного просвещения Коммуны Вальян должен был получать лишь втрое больше, чем любой рядовой учитель!)

Чтобы по достоинству оценить этот декрет Коммуны, необходимо вспомнить, каково было материальное положение учителей *до* и *после* Коммуны.

Во времена империи учителя влажили поистине жалкое существование. Их скучный заработка не поспевал за непрерывным вздорожанием жизни. Приведем несколько цифр. По декрету 1853 года министру предоставлено право увеличивать оклад наиболее заслуженных учителей, с 5-летним стажем, до 700 франков в год. В 1862 г. это увеличение оклада распространено на всех учителей, имеющих 5-летний стаж, и, наконец, в 1870 г. распространено на всех учителей, независимо от стажа, а для имеющих 5-летний стаж—повышено до 800 франков ³⁷⁾). Таким образом, за период в 18 лет (1853—1870) заработная плата учителей поднялась, в среднем, на 14—15%, тогда как квартириная плата за то же время (1854—1873) возросла на 83%, а гектолитр пшеницы в течение одного только десятилетия (1852—1862) вздорожал на 35%.

К концу империи материальная необеспеченность учителей приняла ужасающие размеры. В то время, как рабочие каменноугольных копей в 1870 г. зарабатывали 3 франка в день, а строительные «рабочие даже более 5-ти ³⁸⁾), учителя должны были довольствоваться своими 2—2½ франками ³⁹⁾.

Приведем теперь другой ряд цифр, не менее поучительный. По данным статистики за 1871 год (значит, *после* разгрома Коммуны, так как статистика доведена до конца года) во Франции насчитывалось 32.145 учителей коммунальных школ первой ступени и 5.846 помощников учителей (*instituteurs-adjoints*). Из этого числа:

24.183 учителя или 75 %	зарабатывали в год менее . . .	1.000 фр.
		(от 750 до 950)
7.191 > > 22,7%	> > менее . . .	2.000 фр.
		(от 1.000 до 1.900)
108 > > 0,3%	> > . . .	2.000 фр.
663 > > 2 %	> > более . . .	2.000 >
3.580 пом. уч. или 65 %	> > от 400 до 600 фр.	
		(т.е. от 1—1,5 фр. в день)
1.354 > > 23 %	> > от 600 до 900 фр.	
87 > > 1,5%	> > > 900 > 1.000 >	
575 > > 10,5%	> > более . . .	1.000 фр.

Еще хуже оплачивался труд учительниц. Закон 10/IV 1867 г. установил для них минимум годового оклада в 500 франков и в 350 для помощниц (*institutrices-adjointes*); по декрету от 27/VII того же года этот минимум для учительниц повышен на 100 франков, а для помощниц оставлен без изменения. Немногим щедрее было для них правительство Третьей Республики. В 1871 г. из общего числа 16.408 народных учительниц и 3.405 помощниц

9.683 учительницы или 59%	получали в год менее . . .	700 фр.
		(от 550 до 630 фр.)
3.764 > > 23%	> > . . .	от 700 до 900 фр.
3.011 > > 18%	> > . . .	более . . . 1.000 фр.
2.128 пом. уч-ц. или 62%	> > . . .	от 350 до 400 фр.
		(т.е. около 1 фр. в день!)
928 > > 27%	> > . . .	от 400 до 700 фр.
99 > > 4%	> > . . .	от 700 до 900 >
250 > > 7%	> > . . .	более . . . 1.000 > ⁴⁰⁾ .

Тяжелое материальное положение учителей и учительниц, по признанию Жюля Симон, министра народного просвещения правительства Тьера, приводило к тому, что подвизаться на педагогическом поприще, особенно в сельских школах, с каждым годом оказывалось все меньше и меньше желающих; сюда шли обычно только неудачники, вдовы, вившие в нищете, и т. п.; большинство сельских школ переходило, благодаря ⁴¹⁾, в руки монахинь.

Материальная необеспеченность толкала учителей на поиски *дополнительных заработка*. Учителей брали за зорь в свободное от уроков время он или переписывал бумаги в канцелярии г. мера, или в качестве церковного сторожа подметал пол в церкви и звонил в колокола. От такого «составительства» страдало, конечно, и достоинство учителя, и сама школа: не имея времени для чтения и самообразования, учитель опускался и превращался в бездушного автомата ⁴²⁾.

Так жилось народному учителю во Франции в 1873 году, т.е. спустя два года *после* Коммуны ⁴³⁾.

Школы второй ступени (лицеи, колледжи) (*collèges*) остались вне влияния Коммуны. «Среднее образование не подверглось пря-

мому вмешательству Коммуны,—пишет преподаватель философии в лицее Карла Великого и член Национального Собрания Эмиль Боссир,—его работники продолжали исполнять свои обязанности, не получая других распоряжений, кроме исходящих от их законного начальства», т.-е. из Версала ⁴³).

Зато Коммуна обратила серьезное внимание на профессиональное образование. Она мечтала создать такой тип школы, которая, служа продолжением начальной, соединяла бы в себе, с одной стороны, практическое обучение тому или иному ремеслу с изучением естественных и гуманитарных наук, а с другой стороны — умственное образование с физическими.

6 мая Вальян объявил об открытии «первой профессиональной школы» в помещении бывшего незуитского колледжа в V округе ⁴⁴); родители приглашались записывать своих детей, не моложе 12-ти лет, в окружном муниципалитете, указан ремесло, которому они желали их обучить; рабочие разных специальностей старше 40 лет приглашались помочь в деле организации при школе различных мастерских и обучения детей ремеслу ⁴⁵.

13 мая школа рисования на улице Дирнгутен преобразована и вновь открыта под именем «Профессиональной школы индустриального искусства для девушек», причем гражданка Парполз, преподавательница лепки, назначена ее директрисой. В этой школе предполагалось преподавать: рисование, лепку, резьбу по дереву и скелетной кости и вообще всякого рода применение искусства к индустрии, а также и предметы общеобразовательные ⁴⁶.

17 мая Вальян обратился к окружным муниципалитетам со следующим циркуляром: «Принимая во внимание, насколько важно, чтобы коммунальная революция упрочила свой по существу социалистический характер (essentiellement socialiste) посредством реформы обучения, которая обеспечит каждому истинную основу социального равенства — *всестороннее образование* (instruction intégrale) — и облегчит изучение той профессии, в которой он имеет способности и влечения, признавая, с другой стороны, необходимым, еще до составления и выполнения подробного плана всестороннего образования немедленные реформы, которые упростили бы в ближайшем будущем радикальное преобразование обучения, делегация просвещения предлагает окружным муниципалите-

тетам немедленно выслать в бывшее министерство народного просвещения указания и сведения о помещениях и заведениях, наиболее приспособленных для скорейшего учреждения профессиональных школ, где учащиеся, кроме обучения ремеслу, могли бы пополнить свое научное и литературное образование. Окружным муниципалитетам предлагается, кроме того, войти в соглашение с делегацией просвещения, дабы возможно скорее вызвать к жизни профессиональные школы» ⁴⁷.

Для реорганизации женского образования и наблюдения за школами для девочек 21 мая, в самый день вступления версальцев, была учреждена особая комиссия в составе гражданок Андре Лео, Жаклар, Перье, Реклю, Сапиа ⁴⁸.

Большую самодеятельность в области признания и воспитания детей проявляли окружные муниципалитеты, руководимые членами Коммуны. Они открывали школы, приюты, детские сады, издавали циркуляры и инструкции.

Муниципалитет IV округа выпустил 12 мая следующее обращение к родителям:

«Совокупность человеческих знаний является общей сокровищницей, из которой каждое поколение имеет право черпать, под тем условием, что научный капитал, накопленный в прошлом, будет расти на пользу грядущим поколениям. Каждый ребенок имеет неотъемлемое право на образование, а потому посыпка детей в школу является священным долгом семьи или, за неимением ее, самого общества. Только образование способно сделать из ребенка, когда он станет взрослым, человека, действительно ответственного за свои поступки по отношению к другим людям.

Как в самом деле можно требовать исполнения законов, если граждане не могут даже прочесть их текста?..

Исходя из этих бесспорных принципов, Парижская Коммуна приступает к организации народного просвещения...

Но прежде всего она должна принять меры к тому, чтобы отныне уважалась свобода совести ребенка и из его обучения было устраниено все то, что может нанести ему вред...

Именно школа должна внушать детям, что всякое философское преподавание должно проверяться с помощью законов логики и данных положительной науки.

Коммуна не намерена насиливать чьих-либо религиозных убеждений, но должна строго следить за тем, чтобы и над ребенком, в свою очередь, не производилось насилия, путем навязывания ему догматов, к которым он, по своему неведению, не может отнести критически или принять их вполне сознательно. Мы уже устранили из народных школ нашего округа всех членов различных религиозных конгрегаций, которые до сих пор держали в своих руках дело просвещения, в нарушение принципа свободы совести и культа, закрепленной французской революцией. Отныне руководить школами будут исключительно светские преподаватели и преподавательницы; путем частых обследований мы будем тщательно следить за тем, чтобы все без исключения элементы религиозного воспитания были изгнаны из школы.

Научить ребенка любви и уважению к себе подобным, внушить ему чувство справедливости, вледрить в его сознание, что он должен учиться во имя общественных интересов, — вот те моральные принципы, на которых отныне должно покончиться коммунальное воспитание.

Придите же нам на помощь в деле осуществления этой полезной и плодотворной задачи».

«Отдельные округа производили путем обхода домов и опроса родителей статистические обследования с целью выяснить необходимое количество школ.

В своем обращении «к родителям, детям и ревнителям просвещения» делегация VIII округа отмечает, что, несмотря на многочисленность и удовлетворительное состояние местных школ, последних все же недостаточно: число детей школьного возраста (от 7 до 15 лет), как показало обследование, составляет 6251, между тем, как в школах (светских и церковных) обучается всего 2730; иначе говоря, 3251 ребенок остается без школьной подготовки.

Не довольствуясь школами обычного типа, администрация VIII округа решила построить все дело воспитания на совершенно новых началах, открыть в виде опыта детский сад, куда могли поступать дети, начиная с 3-летнего возраста. Дети от 5 до 7 лет должны уже обучаться чтению, письму, счету и орфографии. Обучение должно вестись публично: на уроках могут присутствовать родители и профессора.

В том же VIII округе, помимо нескольких начальных училищ и отдельных классов, была открыта школа-приют для сирот и оставшихся без работы девочек, «нормальная гимнастическая школа»; предполагалось открыть школы музыки и рисования. «Бесплатное и обязательное обучение,— говорилось в объявлении от мэрии этого округа,— не должно оставаться пустым звуком... Все дети в возрасте от 3 до 12 лет так или иначе должны быть помещены в школы».

В X округе предполагалось создать приюты и профессиональные школы для сирот, «отцы которых со славою пали, защищая коммунальные вольности», а также для детей, которые, в связи со службой их отцов на передовых позициях, остались без призора.

Детский дом для детей вдовцов, зачисленных в маревые батальоны национальной гвардии, был открыт и в XI округе.

Делегация III округа перевела детей из старого, плохо оборудованного приюта в новое помещение, принадлежащее прежде одной из конгрегаций. Чтобы воспитанники приюта не были искусственно изолированы от остального населения, их обучение производилось совместно с приходящими школьниками. В том же округе школьники получали бесплатно все учебные пособия»⁴⁹.

«Муниципалитет XX округа, — пишет Лиссагарэ, — одевал и кормил детей, положив этим первое основание школьным каскам, получившим впоследствии такое развитие»⁵⁰.

В середине апреля директор «Сиротского Дома Национальной Гвардии» (Orphelinat de la Garde nationale) Раймон объявил об открытии приюта для детей обоего пола, отцы которых сражаются «за самое святое дело» (pour la plus sainte des causes), а матери, занятые в мастерских и лазаретах, не могут окружить детей необходимыми заботами. «Республика, — писал он, — открывает детям свои объятия, она предоставляет им постель, одежду, пищу; она будет воспитывать из них честных, трудолюбивых и стойких людей». Заботами Коммуны под приют отведено обширное, хорошо оборудованное помещение (un local aéré et spacieux) на 300 кроватей⁵¹.

«Коммуна не успела выработать никакой общей программы для начальных школ. Каждый округ действовал здесь самостоительно.

В школах X округа преподавалось чтение, письмо, грамматика, арифметика, метрическая система, начальные элементы геометрии, французская история, национальная мораль, пение, рисование (в применении к искусству и промышленным целям»⁴⁾

Всей своей деятельностью Коммуна завоевала себе прочные симпатии среди массы школьных учителей и учительниц. Не мало их можно было видеть в рядах баррикадных бойцов в страшную майскую неделю. Вот что рассказывает очевидец, враждебный Коммуне литератор Католик Мандес: « из ратуши выходит группа женщин, толпа расступается, чтобы дать им дорогу. Они направляются в мою сторону. Они одеты в черное. У них траурная повязка на рукаве и красная кокарда на шляпе. «Это учительницы, которые заменили монахинь», — говорит мне мой сосед офицер. Затем он всхлопывает, подходит к ним и спрашивает: «Ну, что, вы дошли?» — «Да — отвечает одна из них, указывая на бумагу, которую держит в руках, — вот наше задание: дети из школ будут использованы для шитья мешков и набивки их землю, те что постарше, будут заряжать ружья за баррикадами. Они будут получать паек из национальных гвардейцев Матери тех, кто умрет за Республику, получат пенсии. Они рвутся в бой, детишки, право! Мы заставили их много работать в течение последнего месяца: это будет для них отдыхом». Женщина, молодая и красивая, говорит это с протокой улыбкой. Я содрогаюсь»⁵⁾

Дети подражали своим воспитательницам, изумляя героизмом и не детской отвагой. Вот что читаем, например в дневнике инженера Риста и командира 141 батальона национальной гвардии Жюльена

«Фор Иесси 3 мая Подростки из воспитательного дома (les enfants perdus), обслуживающие пушки 5 бастиона, гибнут во множестве, но все таки твердо остаются на своих местах»⁶⁾

Высшая школа.

В высшей школе после 18 марта положение создалось прямо катастрофическое. Большинство профессоров бежало из города

революции в реакционный Версаль, оставшиеся в Париже прекратили чтение лекций. Нужно было принять решительные меры, чтобы спасти высшую школу от полного раз渲а. 17 апреля комиссия просвещения решила созвать на 23 число в большом амфитеатре Высшей Медицинской Школы собрание для обсуждения вопроса о реорганизации медицинского преподавания. На это собрание приглашались представители всех заинтересованных сторон: врачи и военные лекари (по два делегата от каждого округа), студенты-медики, которые должны были присыпать десять делегатов, и так называемые «свободные профессора» (professeurs libres), т. е., не имеющие кафедры в университете, эти последние должны были избрать трех делегатов. Собрание должно было заняться «составлением проекта медицинской реорганизации», каковой через комиссию просвещения должен был поступить на рассмотрение и утверждение Коммуны⁷⁾.

Попытка эта, однако, разбилась об открытый саботаж студентов. «Постепенно, собравшись 22 апреля в амфитеатре Школы, в числе двухсот, под председательством доктора Поля Реклю, обсудив положение, решили не посыпать делегатов в ответ на предложение Коммуны, не желая признавать ее политическим собранием»⁸⁾.

Все историки Коммуны, как друзья, так и враги, отмечают поразивший их факт, что студенчество не только не примкнуло к революции 18 марта, но, наоборот, сразу заняло враждебную ей позицию. В течение 50 лет латинский квартал Парижа был всегда в авангарде всех революций. Теперь традиция была нарушена. Уже 24 марта на собрании трехсот делегатов от различных учебных заведений, в амфитеатре Медицинской Школы, после страсти речи доктора Тета, была высказана резолюция, в которой студенчество, протестуя против действий Центрального Комитета, заявляет о своей солидарности с депутатами и мерами Парижа и готовности «бороться всеми возможными средствами против Комитета, лишенного законных полномочий». Тогда же было решено, что «весь латинский квартал, шесть тысяч студентов всех специальностей, отдаст себя, по примеру Политехнической Школы, в распоряжение адмирала Сессе», главно-командующего силами партии порядка в Париже⁹⁾.

Эта резолюция не осталась на бумаге. «Подкрепляя слова действиями, студенты организовались по-военному и явились в Гранд-Отель предложить свои услуги адмиралу»^{57).}

Чем же объяснить «этот столь значительный факт, который историки должны будут отметить, именно, что студенчество осталось в стороне от движения», — спрашивает себя очевидец, журналист Мориак, и дает такое паникное объяснение: «те, кто много знают, ничего не могут выиграть от правительства невежд»^{58).} Поведение студенчества становится понятным лишь в свете классовой борьбы. Все прежние революции 1789—1799 г.г., 1830 г., 1848 г. были буржуазными; студенчество, по своему происхождению и воспитанию на три четверти принадлежащее к буржуазии, естественно было застrelщиком во всех этих движениях, расчищавших дорогу «третьему сословию». Но парижская революция 1871 года была делом рук, главным образом, рабочих и ремесленников. «Традиция была нарушена», — говорит Ариу, — нечто неожиданное произошло в мире. В ратуше не было ни одного члена правящий классов. Всыхнула революция, которая не была представлена ни адвокатом, ни депутатом, ни журналистом, ни генералом. Вместо них — рабочий-шахтер из Крезо, переплетчик, повар и т. д. Подобное событие в Париже представляло положение, никогда ранее не имевшее места. В книге истории перевернули страницу, началась новая глава»^{59).} Лозунги революции 18 марта, ее рабочий характер и социалистические тенденции были чужды огромному большинству студенчества.

Учащаяся молодежь отправилась в Версаль, по стопам старших представителей своего класса, после того, как меры и депутаты Парижа капитулировали перед Центральным Комитетом, и комедия «сопротивления», организованная адмиралом Сесс, рухнула, как карточный домик.

«Студенты все почти уехали из Парижа, чтобы уклониться от участия в гражданской войне под знаменем Коммуны», — констатирует член Национального Собрания Боссир. — «Какой печальный вид имеет школьный квартал, — заносит 12 апреля в свой дневник Мориак, — исчезли эксцентричные, оригинальные фигуры в больших остроконечных шляпах с развевающейся гривой волос. Гостилицы и пансионы пусты, как министерства. Латинский квартал эмигрировал»^{60).}

Оставшиеся в Париже студенты-медики вели в госпиталях конгреволюционную агитацию. «Каждый госпиталь, это очаг реакции, там громко говорят про Коммуну ужасные вещи, которые меня глубоко возмущали, — жалуется в письме, адресованном властям, один гражданин; — чтобы положить этому конец, нужно бы послать во все госпитали к 10 часам утра несколько национальных гвардейцев и забрать всех без исключения студентов от 17 до 35 лет в маревые батальоны, предназначенные для отправки против мятежников Версали. Идет война между рабочим, представителем честного труда, и испорченной, развратной учащейся молодежью, которая хотела бы вернуть нас к рабству средневековья»^{61).}

Для характеристики политической позиции и настроений парижского студенчества во время Коммуны имеется один очень интересный документ, опубликованный Добаном в его книге *«Le fond de la société sous la Commune»*. Документ этот — донесение полицейского агента-осведомителя от 27 апреля:

«Я положительно ошеломлен, уничтожен, слушая студента-медика, который ораторствует посреди группы прохожих, на площади Шатель: «не говорите, что Париж сейчас весь, как один человек, идет против Версали. Это неверно. Многие охотно сражались бы против Коммуны, если бы только могли пробраться во враждебный ей лагерь. И вот я вам объясняю, что после сходки, которая только что имела место в Медицинской Школе, огромное большинство студентов высказалось против этой Коммуны, которую все, будто бы, принимают с таким легким сердцем». Поразительно!.. Вакалейный торговец, шапочник, швейцар из соседнего дома, все люди, получившие свое политическое воспитание на романах Поль де-Кока, идут в настоящее время в первых рядах, а студенты, глашатаи будущего (*les clairons de l'avenir*), пятятся назад, как раки (*se font écrevisses*). Изумительно!.. «Вы хотите свободы, — продолжает оратор, — однако, вы еще более закабалены, чем при Наполеоне, арестуют за малейшее недоброжелательное слово... (заметьте, что он наговорил целую массу таких слов, но его никто не трогает)... обыскивают дома и силой заставляют идти в бой граждан, которые не хотят вмешиваться в гражданскую войну. Наконец, Коммуна склагает

гильотину, но и не думает об отмене смертной казни. Нож гильотины бездействует, но зато в моде ружейная стрельба, и национальные гвардейцы исполняют обязанности г-на палача»...— «Так что же в конце концов, — спрашивает один гражданин, — признаете вы за Парижем право на самоуправление?» — «Да, разумеется, но муниципальный совет, а не Коммуну. И если, в крайнем случае, мы согласились бы на Коммуну, то лишь под условием, чтобы она была составлена из новых элементов. Ваших избраников мы не желаем признавать». — «А, так вот где собака зарыта, мой будущий Гиппократ (*Hippocrates en herbe*)», — воскликнул один национальный гвардеец. — «*Слишком много рабочих у власти в этой Коммуне, не так ли?* Эти господа желали бы видеть там целую коллекцию адвокатов, врачей, банкиров, генералов и собственников, украшенную еще несколькими политическими знаменитостями. Что же касается рабочих, которые одни только могут представлять класс трудящихся, — ни за что, никого!.. Полноте, вы хотите каких-то светил... но они больше не нужны... они скрылись».

Спор начал принимать угрожающий для реакционно-настроенного студента оборот, когда какой-то уличный мальчишка закончил его остроумной шуткой: «Курьерский поезд на Версаль, — закричал он, — стоит у Медицинской Школы. Скорей, скорей! Господа пассажиры, в дорогу!»

Затем он изобразил ыроизительный свисток, шум паровоза, и... этим все было сказано. Прохожие разошлись, посмеиваясь, оставил студента одного с его мыслями» ⁶².

Таково было поведение большинства парижского студенчества во дни Коммуны. Оно осталось глухо к призыву Феликса Пиа, который еще в 1866 году писал из Лондона в своем «Письме к студентам»: «Будьте революционерами при империи и социалистами при республике» ⁶³. Лишь небольшая группа студентов-революционеров, главным образом, бланкисты, которые в 60-х годах вели упорную борьбу с империей, бичуя ее в сатирических листках Латинского квартала, оказалась и теперь в первых рядах движения. Из этой группы выплыли члены Коммуны: Рауль Риго, делегат комиссии общественной безопасности, потом прокурор Коммуны; Лео Мейе, член первого Комитета Общественного Спа-

сения, потом гражданский комиссар при одной из трех действующих армий Коммуны; Эмиль Эд, генерал Коммуны и член второго Комитета Общественного Спасения; Гюстав Тридон, член первой Исполнительной Комиссии, и прудоист Шарль Лонгэ, редактор «Правительственного Вестника». Вне Коммуны встречаем целый ряд студентов-бланкистов на ответственных постах в экспрефектуре полиции: братья Дакоста, Бридо, Эдмон Левро и нек. др.

Несмотря на явно враждебную позицию большинства студенчества, Коммуна старалась найти выход из тяжелого положения, в котором очутилась высшая школа вследствие массового бегства профессуры. Так, 27 апреля, Жюль Мю, от лица комиссии проповедования, внес проект декрета, в силу которого студентам-медикам, сдавшим свои пять экзаменов на звание доктора, но лишенным возможности представить диссертацию ввиду отсутствия профессоров, разрешалась медицинская практика в Париже на основании простого свидетельства об окончании курса; для защиты диссертации им предоставлялась отсрочка на целый год ⁶⁴.

Впрочем, далеко не вся профессура бежала в Версаль. «В академии наук по понедельникам попрежнему происходят заседания. Не рабочим принадлежит изречение: «Республике не нужны ученые». Делонэ на своем председательском месте. Эмиль де-Бомон просматривает корреспонденцию и прочитывает записку своего коллеги Ж. Беррана, который убежал в Сен-Жермен. Завтра в «Правительственном Вестнике» Коммуны мы найдем отчет об этом заседании» ⁶⁵.

Случай прямого вмешательства Коммуны в жизнь высшей школы немногочисленны.

28 марта «г-да Вур и Колым-д'Аж, деканы медицинского и юридического факультетов, были уволены и замещены гражданами Накэ (*Naquet*) и Аккола (*Accolas*). Это назначение двух лиц, *совершенно неизвестных* (*tout à fait inconnus*), но зато весьма революционных (*très commuppêux*), вызвало протест со стороны части студенчества, оставшейся в Париже, протест, не особенно лестный для нового начальства» ⁶⁶. Реакционный историк Коммуны, сотрудник монархической газеты «*Gaulois*» (из книги которого взята приведенная выше цитата), Огюст Ленаж,

конечно, неправ, говоря о назначенных Коммуной деканах, как о «лицах, совершенно неизвестных»⁶⁷⁾. Профессор Альфред Нак, врач, химик и политический деятель, составил себе громкое имя в революционных кругах в годы империи. В 1867 г. он был приговорен к 15 месяцам тюремного заключения за принадлежность к тайному обществу, а в 1869 г.—«к пожизненному лишению прав за нацумевшую книгу «Религия, собственность, семья», в которой подверг беспощадной критике эти три устоя буржуазного общества. Приговор произнесен был заочно: Нак удалось бежать в Лондон, откуда он вернулся лишь после крушения империи. В 1871 году мы находим его в Национальном Собрании, в рядах крайней левой. Это он вместе с Мильо безуспешно предлагал признать Наполеона III ответственным за войну и конфисковать его имущество для покрытия военных издержек. После Коммуны он долгое время был депутатом и сенатором и в 80-х годах прославился своей борьбой за раскрепощение женщины («апостолом развода»). Несмотря на бурную политическую деятельность, 37-летний Нак, ко времени Коммуны, далеко не был новичком в науке. До 1871 года из-под пера его вышли четыре серьезные научные работы по химии. Другой «красный декан» Коммуны, юрист Эмиль Аккола, в 1871 году был уже старым членом ученой семьи, занимая кафедру в университете с 1850 года и напечатав в 1869 году три труда своего «Руководства по гражданскому праву».

О деятельности этих двух деканов во время Коммуны не сохранилось никаких сведений. Есть известие (впрочем непроверенное), что они даже не приняли своеего назначения.

4.

Библиотеки и музеи, театр и народные концерты.

Обратимся теперь к положению винешкольного образования и его органов во время Коммуны.

Здесь перед нами та же картина массового дезертирства служащих, которую мы только что наблюдали в школах всех степеней. Несмотря на неоднократные приглашения и предупреждения делегата народного просвещения, библиотекари не явились на

работу, и Вальяну не оставалось ничего другого, как увольнять их целыми десятками. 21 апреля директор Национальной Библиотеки Жюль Венсан, с согласия Коммуны, объявил, что «освобождение от службы в национальной гвардии, предоставленное во время осады служащим библиотеки, сохраняется за ними и вперед, при условии их действительной работы в библиотеке». В то же время всем служащим было предложено не позднее 1 мая приступить к исполнению своих обязанностей, под угрозой увольнения⁶⁸⁾. Мы не знаем, сколько ли эта мера число бастующих чиновников, но и после нее продолжаются массовые увольнения. Так, 1 мая уволено было 24 служащих Национальной Библиотеки, 12 мая—еще 28 служащих той же библиотеки и 7 служащих библиотеки Мазарини⁶⁹⁾. Среди этого открытого саботажа Вальяну удалось найти двух прекрасных помощников, образованных и преданных революции, в лице писателей Бенжамена Гастино и Эли Реклю.

29 апреля Реклю был назначен на ответственный пост директора Национальной Библиотеки. «Мой друг, Эли Реклю,—пишет в своем дневнике венский журналист Вильгельм Лаузер,—назначен вчера на место Жюля Венсана директором Национальной Библиотеки. Более честного и образованного человека трудно было бы найти»⁷⁰⁾. Вместе с тем Реклю было поручено заведывание всеми книжными складами Парижа⁷¹⁾. Он принял это назначение без колебания, хотя и сознавал, как трудно наладить работу в библиотеке, расстроенной саботажем служебного персонала. «Я сознавал, что и я должен принять активное участие в движении,—пишет он в своем дневнике,—а не ограничиваться одними пустыми желаниями и бесполезными советами»⁷²⁾. 24 апреля (т.е. еще до назначения Реклю) были открыты для публики отделения брошюр, карт и географических коллекций, рукописей и гравюр, за исключением тех из них, которые были упакованы и спрятаны во время первой осады, на случай эвакуации, а также от опасностей бомбардировки. С 8 мая, благодаря энергии Бенжамена Гастино, снова начала функционировать закрывшаяся было библиотека Мазарини, одна из самых богатых в Париже⁷³⁾.

В качестве инспектора коммунальных библиотек Гастино проявил много старания к сбережению книгохранилищ от систематических хищений. 12 мая он запретил во всех городских

библиотеках выдачъ книгъ на домъ и предложилъ всемъ имеющимъ ихъ на рукахъ сдать въ 8 дневный срокъ

Вотъ какъ мотивировалъ онъ это свое распоряжение «Во времена империи общественные библиотеки расхищались какъ и все остальное. Привилегированные выкравали себѣ свои домашніе библиотеки изъ национальныхъ книгохранилищъ, брали книги на домъ и не возвращая ихъ, и лишали такимъ образомъ грудящихъ самыхъ необходимыхъ и ценныхъ книгъ»⁷⁴⁾

Коммуна, которую революционные историки обвиняютъ въ вандализме и варварстве, выказала однако, большую заботливоность и интересъ къ сокровищамъ искусства, собраннымъ въ музеяхъ 12 апреля, въ разгаръ ожесточенныхъ беспредметныхъ боевъ подъ стенами Парижа. Исполнительная Комиссия находитъ время подумать объ искусстве и предписываетъ гражданину Гюставу Курбэ, «президенту художниковъ», въ кратчайший срокъ привести музеи города Парижа въ нормальный видъ, открыть картинные галереи для публики, а также озабочиться устройствомъ ежегодной весенней выставки въ Глиссейскихъ Поляхъ⁷⁵⁾

Это постановление не осталось на бумаге, уже 15 апреля значительная часть музеевъ Лувра была открыта для посетителей⁷⁶⁾

Но и тутъ работа тормозилась постоянными переменами въличномъ составе музейныхъ служащихъ. Детергату провещенія приходилось подписывать массу увольнений и назначений. Такъ, 15 мая было уволено сразу 12 хранителей и ихъ помощниковъ въ музеяхъ Лувра 16 мая директоръ Люксембургскаго музея, «назначенный экс-администраціей империи» Сбенневиѳъ, смещенъ и замененъ знаменитымъ художникомъ карикатуристомъ Андрэ Жилье, въ качестве «временного администратора». Въ помощники ему даны гражданъ Шапюи, скульпторъ, и Гтьокъ, живописецъ. Временное заведываніе музеями Лувра возложено было на архитектора и живописца Ахилла Удино, а помощниками его назначены выдающийся скульпторъ Далу и живописецъ Кюль Эро⁷⁷⁾

Проведенное такимъ образомъ обновление служебного персонала музеевъ было настоящей мобилизацией талантовъ, методости и преданности, которая дала бы, вероятно, блестящіе результаты, если бы только имъ было дано время развернуться

4 мая Вальян подпишаетъ следующее назначение «Гражданинъ Эрнестъ Мулль делегируется въ качествѣ комиссара-администратора въ Естественно-Исторический Музей (Muséum d'histoire naturelle). Ему поручается войти въ соглашеніе съ директоромъ и профессорами по вопросу о скорѣйшемъ возобновленіи лекцій, наблюдать за целостностью имущества, коллекціи и т. п. и принять все необходимые меры для обеспечения интересовъ публики и музея. Въ кратчайший срокъ онъ долженъ представить докладъ о тѣхъ улучшеніяхъ, которые необходимо внести въ администрацию музея»⁷⁸⁾

17 мая Эрнестъ Мулль объявилъ объ открытии галлерей анатомии и антропологии для обозрѣнія посетителямъ широкой публики предоставляемыхъ только два дня въ неделю (четвергъ и воскресенье) въ теченіе летнаго сезона въ остальные дни доступъ въ музей открытъ 1) студентамъ, художникамъ и ученымъ по особымъ постояннымъ разрешеніямъ отъ управления музея 2) частнымъ лицамъ, имеющимъ пропускъ, действительный на одинъ день, и 3) иностранцамъ, по предъявленіи паспорта⁷⁹⁾

На другой день, 18 мая, въ «Правительственномъ Вестнике» появляется заметка за подписью Вальяна, въ которой делегатъ по просвещенію, не отменяя распоряженія Мулля по музею, еще ствозволяетъ установлѣнной системой пропусковъ и входныхъ билетовъ, которая «изъ осмотра научныхъ коллекцій делаетъ привилегию» — «Подъ управлениемъ Коммуны, — пишетъ Вальянъ, — все галлерей, библиотеки, коллекціи и т. п. должны быть доступны широкимъ массамъ населения. Двери туда должны быть открыты для всяко-го, желающаго читать и учиться»⁸⁰⁾

Этотъ документъ чрезвычайно ярко характеризуетъ личность delegata народнаго просвещенія и направление всѣхъ его деятельности. Коммуна провозгласила неотъемлемое право каждого человека на образование, долгъ delegата просвещенія охранять это право, обеспечивая реальную возможность пользоваться имъ

12 мая, въ заседаніи Коммуны, Курбэ поднялъ вопросъ о томъ, что ему делать съ цепной коллекціей античной бронзы, принадлежащей Тьери, коллекціей, достойной, по его мнѣнію, музея. «Хотите, чтобы я перенесъ ее въ Лувр или въ ратушу, или продалъ съ публичнаго торга? — спрашивалъ онъ — я обращаю ваше вниманіе

ние на то, что эти маленькие бронзовые статуэтки стоят в общем, не менее 1.500.000 франков». Демэ напоминает, что еще в апреле месяце, когда был издан декрет о разрушении дома Тьера, Исполнительная Комиссия отрядила двух человек, его и Курбэ, с поручением позаботиться о сохранении в целости всех находящихся в нем предметов искусства; он предлагает теперь создать целую комиссию из специалистов, достаточно компетентных в области искусства. «Не забывайте,—говорит этот старик-рабочий, сам не получивший правильного образования,—что эти маленькие изделия из бронзы — это история человечества; мы должны бережно хранить прошлое нашей культуры в наследие грядущим поколениям. Мы не варвары». Луи Клеманс: «У Тьера есть еще собрание библиографических редкостей. Для сбережения их необходимо назначить особую комиссию, в которой я сам охотно принял бы участие». Паскаль Грусс: «У Тьера имеются еще документы, как нельзя более любопытные, которым место в архивах; не meshalo бы в комиссию, которую мы изберем, включить также историков и литераторов». Коммуна выбирает комиссию в составе: Курбэ, Демэ, Паскаля Грусс, Клеманса и Феликса Пиа⁸¹.

Мы так долго остановились на этом незначительном эпизоде потому, что он очень характерен для Коммуны. Не забудем, что речь идет о заседании 12 мая. Момент чрезвычайно тяжелый. Написк версальцев все усиливается. Форты рушатся, и недалек день штурма. И в таких критических обстоятельствах Коммуна находит время думать о коллекциях книг и предметов искусства, к тому же, принадлежащих человеку, который ведет с нею жестокую борьбу не на жизнь, а на смерть, бомбардирует Париж, расстреливает пленных, человеку, для которого все они, Курбэ и Демэ, интеллигенты и рабочие, заседавшие в ратуше, — только сброд убийц, разбойников и варваров!

Инспектор изящных искусств Дворца Промышленности (palais de l'Industrie) Бюон покинул свой пост. Коммуна немедленно назначает на его место двух делегатов, поручив им «перевезти в Лувр и в Люксембургский дворец все картины и скульптуры, принадлежащие государству, так как целостность их во дворце Промышленности, повидимому, угрожает опасность»⁸²).

в одной газете и повторяемые другими, по словам которых в Лондоне происходит продажа картин из Лувра. Оно не имеет возможности установить, какие именно картины продаются в Лондоне, но категорически заявляет, что коллекции Лувра остаются в неприкосновенности и что они предохранены от опасностей войны»⁸³).

Коммуна сказала новое слово и в области театра. «Чем занимается Коммуна 19-го? — пишет Лиссагарэ: — театрами». Вальян утверждает, что вмешательство государства в театральное дело заключено, что сценические работники эксплоатируются, что театр должен быть устроен на принципе ассоциации. Феликс Пиа против вмешательства государства, как в театр, так и в литературу: «Крестяне из Берри вовсе не должны оплачивать танцовщиц из Оперы, — и он разражается едкой филиппикой против Музикальной и Медицинской академии: «Что мы создали замечательного с тех пор, как существует «Французский Театр»? Если французская наука отстала, если она стоит ниже, чем наука других стран, то виновато главным образом вредное правительство государства». И ему отвечает, и он возражает до тех пор, пока один из членов не воскликнет: «Не время говорить здесь о театре, когда в нас стреляют!»⁸⁴). В результате этих оживленных прений был принят следующий декрет, который появился 21 мая на столбах «Правительственного Вестника»:

«Согласно с принципами, установленными первой республикой и выраженным в законе 11 жерминаля II года, Парижская Коммуна постановляет: 1) Театры поступают в ведение делегации по просвещению; 2) всякие субсидии и привилегии для театров отменяются; 3) делегации поручается прекратить в театрах режим эксплоатации их одним директором или группой предпринимателей и заменить его в кратчайший срок режимом ассоциации»⁸⁵.

20 мая уполномоченный Вальяном гражданин Даниэль Сальвадор (во время империи музыкальный критик газеты «Marcelleise») приглашал всех артистов и артисток Оперы, Комической Оперы и Лирического Театра (хористов, музыкантов, танцовщиц и т. п.) собраться 23 мая в зале Консерватории для выработки конкретных мер к переходу театров в руки артистических ассоциаций⁸⁶.

Вступление армии Тьера в Париж помешало проведению в жизнь этого декрета, и он остался на бумаге. Возвещенная в нем реформа должна была произвести целую революцию в театральном деле, революцию, благотворную, как с точки зрения искусства (в отношении репертуара и постановок театры были поставлены под надзор ведомства народного просвещения, руководимого такими людьми, как Вальян, Курб и др.), так и с точки зрения интересов работников сцены, избавленных от беззастенчивой эксплоатации жадных и грубых антрепренеров.

8 мая распоряжением делегата Коммуны по ведомству внутренних дел и общественной безопасности Курэ директор Оперы Эмиль Перрец, своим недобросовестным отношением к делу помешавший устройству «национального представления» в пользу жертв войны и художников-музыкантов, отстранен от должности и замещен артистом Эжен Гарнье. Для охраны интересов музыкального искусства и артистов создана особая комиссия из шести лиц, под председательством делегата Курэ и при участии композитора Рауля Пюньо (Pugno) ⁸⁸.

Театры работали нормально, и, несмотря на бегство в Версаль крупной буржуазии и так называемой «золотой молодежи», делали полные сборы. В этом сходятся свидетельства всех очевидцев, как врагов, так и друзей Коммуны. «Взглядите на великий город в вечернюю пору,»—пишет Лиссагарэ:—открываются театры. В «Лирическом» большой музыкальный ветер в пользу раненых; в «Комической Опере» на-днях тоже будет благотворительный спектакль. В «Опере», где попрежнему поет Мишо, на понедельник, 22-го, объявлен торжественный вечер, на котором Рауль Пюньо исполнит гимн Госсека. Артисты «Gâté», оставшиеся без директора, сами управляют театром. «Жимназ», «Шатле», «Французский Театр», «Амбито-Комик», «Деласман» каждый вечер переполнены ⁸⁹). Необычайно высокую посещаемость театров в Париже в апреле—мае 1871 года отмечают также Добан и Катюль Мандес; последний очень возмущен этим явлением, столь неуместным во дни траура гражданской войны ⁹⁰).

Что касается репертуара, то вот программа на 22 мая: театр «Жимназ»: «Вдова с камелиями», фарс; театр «Gâté»: «Принц Тото», водевиль в одном действии, и др. в том же роде.

Совсем другая программа в театре Оперы, где в пользу жертв войны (вдов и сирот) Коммуна устраивает большой вечер музыки, пения и драмы, с участием артистов Оперы, Комической Оперы, театра итальянцев и Лирического театра. Здесь, наряду с классическим репертуаром, как «Увертюра из Фрейшюза» или 4-е действие оперы «Трубадур», встречаем репертуар революционно-патриотический: мелодраммация, «Отечество» из Виктора Гюго; «89 год»; трюо из «Вильгельма Телля»; гимн Пюньо «Братство народов», гимн Госсека «Да здравствует свобода!» ⁹¹).

6 мая члены Коммуны и доктор Руссель, главный инспектор больниц, организовали первый народный концерт во дворце Тюльери в пользу раненых, вдов и сирот. Плата за вход была 50 сантимов. Стечение публики было так велико, что очень многим не удалось попасть в залу маршалов, где проходил концерт; тогда главной исполнительнице, талантливой Mlle Agar, пришла счастливая мысль переходить из зала в залу, с декламацией «Медной лиры» Огюста Барбье. Сбор дал 12 тысяч франков.

11 мая был второй концерт в Тюльери. Во избежание давки, концерт давался сразу в трех местах: в зале маршалов, в старом театральном зале и, наконец, в саду дворца. «Украшением вечера» (le bouquet de la soirée)—иронизирует очевидец Мориак,—была следующая афиша, расклеенная во всех помещениях, где была публика: «Народ! Золото, которое струится по этим стенам, это твой пот. Достаточно долго вскарывал ты своим трудом, орошаешь своей кровью это пенастое чудовище: монархию. Теперь, освобожденный революцией, ты вступаешь во владение своим добром; здесь—ты хозяин. Но сохрани свое достоинство, потому что ты силен, и будь тверд и блестел, чтобы тираны никогда не могли возвратиться. Д-р Руссель» ⁹²). Другой очевидец, немец Лаузер, сотрудник буржуазной венской газеты «Press». с удовлетворением отмечает, что «ценные стенные панно завешены заботливой рукой, а в зале маршалов, предназначенному для концерта, портреты королей задрапированы красным шелком». Его поражает и то, что «в такой массе народа, при очевидной невозможности всем попасть на праздник, при полном отсутствии какой-либо полиции, не видно ни суматохи, ни беспорядка, не слышно бранного слова».—«Я бы хотел,

чтобы версальцы, которые называют нас всех шайкой разбойников, видели эту картину», — говорит мне мой сосед⁹³). Вот, как держал себя этот народ Парижа, эти малограмотные рабочие, ремесленники и мелкие лавочники, которых Катюль Мандес, с брезгливой гримасой называет «сконицем воров и плутов» (*Pessaim des marouffes et des voleurs*). Выходящий из буржуза, этот блестящий литератор морщится, очутившись в столь «шлебайском» обществе: столляр Пенди (военный комендант ратуши), сапожник Дерер (член Коммуны), бывший извозчик Брилье (комендант главного штаба) и т. п. «Праздник, устроенный слугами в доме, покинутом господами», — так резюмирует Мандес свои впечатления от концерта 16 мая⁹⁴.

Вот как описывает Лиссагарз один из последних концертов в Тюльери: «У входа стоят гражданки с комиссарами и собирают деньги в пользу вдов и сирот Коммуны. В первый раз на скамейках в саду сидят прелестно одетые женщины. В галереях играют три оркестра. Центр празднества в зале маршалов. На том месте, где десять месяцев тому назад восседали Бонапарт и его шайка, теперь госпожа Agag, на которую версальские газеты возводят всякие гнусности, декламирует *«Les Châtiments*», *«l'Idole*». Вместо непристойной музыки импорти, теперь исполняют Моцарта, Мейербера и другие великие произведения искусства. Через большое среднее окно звуки музыки проникают в сад. Свет люстр и веселых разноцветных фонариков падает на траву, скользит по деревьям, отражается в воде фонтанов. Из сада доносится смех гуляющей там толпы. А Елисейские поля, погруженные во мрак, как будто протестуют против этих хозяев из простого народа, которого они никогда не признавали. Версаль тоже протестует своими выстрелами, бросающими багровые отблески на Триумфальную арку, под темными сводами которой идет великая гражданская война».

21 мая «в два с половиною часа дня в аллеях Тюльери был грандиозный концерт в пользу вдов и сирот Коммуны. В зеленых аллеях пестрели весенние наряды женщин. Весело гремели трубы, и в воздухе чувствовалось чаующее дуновение весны. Но это веселье, словно вороным карканье, нарушилось взрывами версальских гранат, доносившимися с площади Согласия. После окончания концерта один офицер главного штаба взошел на

эстраду дирижера оркестра и сказал: — «Граждане, согласно своему обещанию, г. Тьер вчера должен был вступить в Париж; г. Тьер вчера не вошел в Париж, он не войдет в Париж. Я приглашаю вас на будущее воскресенье, сюда же, на наш второй концерт в пользу вдов и сирот». В тот же самый час, на расстоянии двух ружейных выстрелов, авангард версальцев вступил в Париж⁹⁵).

5.

Союзы артистов и художников.

В устройстве благотворительных концертов и спектаклей деятельность помощь Коммуны оказывала «артистическая федерация» (*Fédération artistique*), организованная Шарлем Монплю. Это был центр, куда стекались артисты (драмы, музыки, пения, балета), уклонявшиеся от военной службы. Впрочем, федерация была организована по-военному, имела свой главный штаб в кафе *«Alcazar lyrique*» и сборный пункт в Консерватории, но, не соглашению с Коммуной, никогда не должна была пересходить линии внешних укреплений. 10 апреля батальон артистов (54-й) насчитывал 500 человек, 17 апреля в нем было уже 600, а 25-го 900 человек; выше этой цифры численность его не повышалась. Оружия он не имел и только 22 мая получил 130 легких ружей. Избавившийся от службы в траншеях и фортах под Парижем, батальон этот служил Коммуне своими артистическими силами, давая многочисленные концерты и спектакли, весь сбор с которых шел в пользу жен и детей раненых национальных гвардейцев. После отставки Клюзера новый военный делегат Коммуны Россель, в виду многочисленных жалоб и доносов патриотов, хотел распустить федерацию и уже подписал приказ об аресте ее организатора. Но, ознакомившись ближе с задачами ассоциации, он отменил свое распоряжение.

Гарнье, назначенный Коммуной директором Оперы, хотел использовать хористов и музыкантов, входивших в федерацию, для народных концертов-празднеств в Тюльери, но артисты отказались.

Военный комендант дворца Дарделль предложил федерации объединиться с «союзом художников», возглавляемым Курбо, но и этот проект не имел успеха⁹⁶).

Артистическая федерация Монпарнас не преследовала никаких самостоятельных художественных целей. Ее целью было, под маской благотворительности, служить приютом для всех тех, «кто служение музам предпочитает драмам в траншеях и на поле битвы» ⁹⁷.

Гораздо более серьезные задачи ставило себе другое профессиональное объединение — союз «левых» работников изобразительных искусств, возникший в первой половине апреля.

13 апреля в амфитеатре Медицинской Школы под председательством Гюстава Курбэ состоялось многогодичное собрание художников разных специальностей, на котором был принят устав «коммунальной федерации художников» (*fédération communale des artistes*). «Художники Парижа, — говорится здесь, — присоединяясь к принципам коммунальной республики, организуют федерацию. Это объединение всех работников изобразительных искусств будет покончено на следующих основаниях:

Свободное распространение искусства, освобожденного от всякой правительственной опеки и от всяких привилегий.

Равенство в правах между всеми членами федерации.

Независимость и достоинство каждого художника ставятся под защиту всех, для чего создается комитет на основе всеобщего голосования.

Этот комитет укрепляет узы солидарности и осуществляет единство действия»...

Далее говорится о том, что комитет будет состоять из 47 членов и что в него войдет 16 живописцев, 10 скульпторов, 5 архитекторов, 6 граверов и актографов и 10 представителей декоративного (иначе индустриального) искусства. Состав комитета обновляется ежегодно на $\frac{2}{3}$. 32 выбывающих члена могут снова быть избраны лишь по истечении года. Член комитета, не выполнивший своего мандата, может быть отозван, но только общим собранием федерации, при условии большинства не менее $\frac{2}{3}$ голосов. Это самоуправление артистического мира (*ce gouvernement du monde des arts par les artistes*) преследует три основные цели: 1) охранять сокровища прошлого, 2) поощрять современных художников и содействовать широкому распространению их произведений и 3) подготовлять почву для грядущего расцвета искусства.

В соответствии с этими целями комитет берет на себя охрану памятников старины и искусства, управление музеями и картинными галереями; организует в Париже выставки коммунальные, национальные и международные (допуская на них только оригинальные произведения, подписанные авторами, и решительно отвергая всякие попытки plagiarisma; наблюдает за преподаванием рисования и лепки в коммунальных школах, начальных и профессиональных, назначает туда преподавателей по конкурсу; вырабатывает новые методы; выдвигает талантливых детей и помогает им дополнить свое образование за счет Коммуны; издает свой печатный орган «Вестник искусства» (*Officiel des arts*), давая в литературной его части место статьям и дискуссиям всех направлений и школ в искусстве; выступает в качестве арбитра в спорных вопросах, касающихся искусства; находится в тесном контакте с коммуной, представляя ей постоянные отчеты о своей деятельности и оказывая ей всемерную поддержку во всех полезных начинаниях в области искусства; обращается к инициативе самых широких слоев общества для разрешения проблемы морального и интеллектуального освобождения художников и улучшения их материального положения; наконец, с помощью слова, пера, карандаша и народных репродукций шедевров искусства, содействует распространению их среди самых отсталых и глупых (*numbles*) коммун Франции, работая над ее возрождением и во имя грядущего расцвета искусства и Всемирной Республики ⁹⁸.

«Мы хотим, — говорил один художник, — демократической революции в искусстве. Лувр, завоеванный чами, будет нашей Ратушей. Мы поднимаем красное знамя живописи» ⁹⁹.

Федерация насчитывала в своих рядах таких высокоталантливых людей, как скульптор Далу и живописец Андрэ Жиль; председателем ее был знаменитый художник Гюстав Курбэ, один из основателей реалистической школы во французской живописи. Ученик и друг Прудона ¹⁰⁰, проникнутый идеями прудонистского федерализма, и горячий демократ по настроениям и симпатиям, Курбэ принимал живое участие в коммуне, членом которой стал после дополнительных выборов 16 апреля. Он помогал Вальянну в реорганизации музеев Лувра и был, как мы видели, одним из

главных учредителей союза художников. В Коммуне он примкнул к прудонистскому меньшинству и голосовал против учреждения Комитета Общественного Спасения. Из этого не следует, однако, что он был умеренным или недостаточно революционным. Он отлично сознавал необходимость создания сильной и твердой власти и выражал лишь прозрачное употребление устаревшей терминологии революции 1789—1793 г.г. («Общественное Спасение, монтаньяры, жиронисты, якобины и т. п.»), как жалкого плачущего, лишь затемняющего истинную сущность движения 1871 г. «социалистического и республиканского». После разгрома коммуны, обвиненный в том, что по его инициативе был издан декрет о свержении Вандомской колонны, он был осужден на шесть месяцев тюремного заключения, которые и отсидел. В 1873 году, после падения Тьера и усиления реакции, против него был затеян новый процесс, его приговорили к уплате 320 тысяч франков на восстановление колонны. Курбэ не мог уплатить этой чудовищной суммы и бежал в Швейцарию, где вскоре умер в полном одиночестве и нищете (1877 г.)¹⁰¹.

Руководимая Курбэ федерация художников, кроме блестящей программы, ничем не успела проявить себя. На шумных сходках молодые энтузиасты из богемы яростно нападали на «туский» институт жюри (cet abominable jury), «которое мешает свободному проявлению оригинальных талантов и морит голодом непризнанных гениев...»¹⁰².

Но одно мероприятие Коммуны, о котором мы говорили выше, обновление служебного персонала музеев, проводилось при самом активном участии федерации и ее исполнительного органа (commission fédérale des artistes)¹⁰³.

6.

Клубы. Политическое просвещение.

Говоря о положении народного образования и его органов в Париже в апреле—мае 1871 года, нельзя обойти молчанием многочисленные революционные клубы, которые, в известной мере, тоже были очагами просвещения и умственной жизни в бурные и кровавые дни гражданской войны.

Клубы не были правительственные организациями и насаждались не Коммуной или делегацией по просвещению, а возникали снизу, по инициативе самих граждан, которым окружные муниципалитеты отводили для этого помещения в церквях, в свободное от богослужения время. Вот как описывает одно из таких заседаний очевидец Лиссагарэ:

«Открываются двери десяти церквей, и с кафедры раздается проповедь революции. В старом квартале Гравилье, в соборе св. Николая, гул многочисленной толпы. Огромное помещение, битком набитое народом, освещено дрожащим пламенем нескольких газовых рожков, и в глубине, в тени сводов, видно изображение Христа, украшенное первенством Коммуны. Единственное ярко освещенное место—столик против кафедры—тоже задрапировано красным. Орган и толпа затягивают марсельезу. Из уст оратора, наэлектризованный фантастической обстановкой, вырываются отрывистые восклицания, которые звучат, как угрозы. Он говорит о событиях дня, о способах обороны. Он жестоко нападает на членов Коммуны. Резолюции, которые примут это собрание, завтра будут сообщены городской думе. Иногда и женщины просят слова: в Батиполье они имеют свой особый клуб, в котором обсуждается вопрос о войне и мире. Правда, в этих собраниях высказывается мало дальних мыслей, но зато для многих они являются источником воодушевления и мужества»¹⁰⁴.

Клубы 1871 года далеко не играли той выдающейся политической роли, как их прообразы 1792—1793 года, знаменитые «кордельеры» и «якобины». Их революционный радикализм не оказывал заметного влияния на Коммуну, их грозные резолюции¹⁰⁵, дышавшие ненавистью к представителям крупной буржуазии и духовенства, требовавшие суровых репрессий (расстрелы заложников и т. п.), прочитывались иногда в заседаниях Коммуны, но никогда не приводились в исполнение¹⁰⁶.

Парижские клубы апреля—мая 1871 года были не столько местом партийных собраний или политических митингов, сколько публичными аудиториями, в которых шла пропаганда новых социалистических идей и борьба с религиозными, политическими и социальными предрассудками.

Грохот канонады, раскаленная атмосфера кровавой гражданской войны мало благоприятствовали, однако, спокойной научно-поставленной пропаганде, ее место нередко заменила страстная агитация против ненавистных господствующих классов.

«Кто жиреет от народного пота? Буржуа. Кто строит пышные хоромы в то время, как народ живет в жалких мансардах? Кто отказывается драться в то время, как Версаль избывает народ? Опять таки — буржуа. Нет, нет, не нужно ни буржуа, ни попов; пусть церкви превратятся в мастерские, а буржуа и попы трудатся вместе с нами своими собственными руками. Нет, не нужно ли монахинь, ни монахов; это бездельники; они толкуют о боже и о пебе, но разве они когда-нибудь его видели? Я его не видела», — так ораторствовала одна из женщин, которые, к слову сказать, вообще были очень усердными посетительницами клубов¹⁰⁷.

«Нужно уничтожить монахинь, иезуитов и ханжей,— говорил один оратор 11 мая в церкви св. Сильвия, — нужно выгнать их из этого дома, который принадлежит нам.... нужно вырвать из их лан наших детей и жен, которых они воспитывают в невежестве и невинности к социальной республике»...¹⁰⁸

В женских клубах произносились горячие речи об эманципации женщин, о свободе развода, об уравнении гражданского брака с церковным, об уничтожении домов терпимости и уличной преститудии, этой «язвы монархии» (*plaie monarchique*).

Но главной темой клубных речей и дискуссий были вопросы социально-экономические, уничтожение классового неравенства и освобождение труда. «Политика — это хорошо для детей!.. В порядке дня стоял один единственный вопрос: это вопрос о моем и твоем, вопрос о собственности».¹⁰⁹...

«На наш взгляд, — говорила одна женщина 12 мая в заседании клуба «Избавление», — та социальная язва, которую необходимо уничтожить в первую очередь, — это хозяева, эксплуатирующие рабочего и обогащающиеся его потом. Долой хозяев, которые смотрят на рабочего лишь как на рабочую машину!... Мы будем счастливы только тогда, когда избавимся от хозяев, от богачей и от собственников». Другой оратор рисовал перед слушательницами картину будущего социалистического строя: «...Завтра вы будете принадлежать самим себе, а не господам. Мастерские,

в которые вас набивают битком, будут принадлежать вам; орудия производства, которые вам дают в руки, будут принадлежать вам; прибыль, вытекающая из ваших усилий, ваших стараний и потери вашего здоровья, будет распределяться между вами. Пролетарии, вы возводитесь в новой жизни. Хрупкие женщины, вы станете хорошо пытаться и одеваться, вы превратитесь в могучих родительниц и дадите могучую расу; истинная семья человека выйдет из ваших более плодовитых недр»¹¹⁰.

Речи встречались обычно взрывом аплодисментов, и собрание закрывалось пением марсельезы или революционной песни 1792 г. «*Ça ira*».

Но иногда кто-либо из присутствующих начинал возражать докладчику, и тогда разгорался настоящий диспут. Так, однажды в зале Фавье, после речи оратора из бывших дьяконов, яркими красками нарисованного картины бедственного положения рабочего класса, который все создает, но ничем не пользуется, один из слушателей стал доказывать, что хотя положение рабочих, действительно, тяжелое, однако, оно с каждым годом улучшается, благодаря вмешательству государства и заботам самих хозяев. Он говорил о кассах взаимоощущивания, о повышении заработной платы, дающей возможность делать сбережения, о приютах и бесплатных школах для детей рабочей бедноты, об аптеках, устраиваемых при мастерских, и т. п. благах, которые имеются на одной фабрике из тысячи, к услугам одного рабочего из тысячи. Свистом и шиканьем всего зала были встречены эти слова «соглашателя». Когда шум улегся, бывший дьякон опять занял кафедру: «Каких пустяков вам сейчас наговорили, граждане, — воскликнул он, — никогда эти жалкие полумеры (*ces simagrées*) не изменят к лучшему положения трудящихся... В будущем, не труд будет работой капитала, а наоборот. Другими словами, все орудия производства будут принадлежать рабочему»¹¹¹.

Все стены церквей-клубов пропаганда новых идей велась весьма слабо.

Комиссия просвещения ничего не сделала в этом направлении, а особого правительственного органа по политico-просветительной работе среди населения Коммуны создано не было. «Само собою разумеется, что эпоха революции неудобна для пропаганды идей.

В это время идет так называемая «пропаганда действием...» — пишет Лавров в своей книге о Коммуне¹¹².

Эту «пропаганду действием» находим во многих декретах Коммуны: в декрете от 12 апреля о разрушении колонны Наполеона на Вандомской площади, «этого памятника варварства, символа грубой силы и ложной славы, укрепления солдатчины, постоянного оскорбления победителями побежденных, вечного покушения на один из трех великих принципов Французской революции, — братство народов...»; в декрете от 27 апреля о разрушении церкви Брея, построенной на месте, где был убит в июньские дни 1848 г. палач парижского пролетариата генерал Бреа; в декрете от 5 мая о разрушении так называемой «искупительной часовни Людовика XVI», этого «постоянного оскорбления первой революции и вечного протеста реакции против народного правосудия... и мн. др.¹¹³.

Отметим некоторые мероприятия Коммуны в области политического просвещения масс.

19 апреля комиссар социального обеспечения, старый революционер Морис Трельяр (Treillier), сделал следующее распоряжение по своему ведомству: «В больницах и убежищах в ближайшее время будут организованы читальни (salles de lecture), где выздоравливающие, раненые, старики найдут демократические листки, защищающие республику и пропагандирующие социальные установления будущего. Эта мера должна парализовать (épauler) вредное влияние писателей и книг, составляющих казенные библиотеки и содействующих ослаблению духа и упадку патристических чувств. Редакторы газет уже присоединились к этой идее и обещали бесплатную присылку их в читальни»¹¹⁴.

28 апреля в заседании Коммуны было решено понизить цену за номер «Правительственного Вестника» до пяти сантимов с целью сделать его более доступным широким массам населения (это единственная мера Коммуны, пережившая своего творца). Тогда же Жюль Валлас внес предложение о передаче газеты из ведения комиссии общественной безопасности (бызнее министерство внутренних дел и префектура полиции) в ведение комиссии просвещения, но это предложение не имело успеха¹¹⁵.

8 мая вышеупомянутый Трельяр учреждает комиссию из трех лиц для переименования всех комнат, зал и коридоров в заведениях (больницах и убежищах), подведомственных отделу социального обеспечения, мотивируя свое распоряжение тем, что существующие названия — это пережиток религиозного фанатизма, и что необходимо увековечить память тех, кто жил и учел в борьбе за народ и отчество, отстаивая благородные идеи и высокие принципы социализма и братства»¹¹⁶.

7.

Заключение.

Нам остается подвести итоги тому, что сделала Коммуна в области народного просвещения. Лиссагаре и некоторые другие историки чрезвычайно низко оценивают деятельность комиссии просвещения, упрекая ее в том, что она «не оставила ни одного свидетельства для будущего, хотя должна была написать одну из самых прекрасных страниц Коммуны»¹¹⁷. Но эти упреки совершенно неосновательны. Если Коммуна не выработала *вполне* законченной программы народного образования, она провела все же несколько решительных реформ и выказала не мало новых идей. Она начала великую реформу освобождения школы и науки из-под ферулы клерикализма, реформу, которую республиканская буржуазия (по словам Энгельса) не проводила исключительно из малодушия¹¹⁸ и на которую решилась лишь тридцать лет спустя (в 1902 году). К этой главной заслуге Коммуны присоединяются ее неустанные заботы о том, чтобы сделать науку и образование достоянием широких трудящихся классов. *Она хотела уничтожить самое прохладное поравенство — неравенство в умственном отношении* — и написала на своем знамени великий принцип «бесплатного, светского, обязательного, всестороннего образования».

В профессиональной школе мастерской, соединяющей в себе обучение ремеслу и изучение наук, она думала обрести свой идеал средней школы, которая выпускала бы не белоручек-бюрократов, а подлинную рабочую интеллигенцию, первую, как у станка, так и на кафедре.

Она успевала подумать и о женском образовании, и о начальной школе, и о высших учебных заведениях.

Она проявила самое бережное отношение к сокровищам искусства и науки, собранным в библиотеках и музеях, широко распахнув двери туда для всех, жаждущих знаний и света

Стоя настраже работников сцены она вырвала театры из рук невежественных предпринимателей, жадных эксплоататоров таланта и передала их в руки артистических коллективов

Она отдала народному просвещению видное место в своем скромном бюджете и, начиная высокие оклады чиновников, почти вдвое увеличила жалования учителей

Она дала тоток к объединению художников кисти и резца в мощную армию просвещения и культуры

Правда, большая часть начечений реформ осталась на бумаге Но разве можно винить в этом Коммуну? Она просуществовала всего два месяца, притом два месяца непрерывных боев, несмолкаемого грохота пушек «В тот момент главный вопрос заключался не в воспитании и не в педагогии, а в войне, и Вальян сознавал это, без сомнения, лучше многих других» В виду этого, Вальян скорее только наметил тот путь, по которому он пошел бы, если бы сама революция имела время пойти по этому пути со всей полнотой власти, чем действительно пытаясь идти по нему »¹¹⁾)

Нельзя забывать и того, на какую глухую стену вражды и сопротивления натыкалась Коммуна во всех своих начинаниях в области просвещения реакционная агитация монахов в национальной и средней школе, бегство профессоров и студентов, открытый саботаж служащих библиотек и музеев

Правительство Национальной Обороны бывшее у власти пять месяцев и обладавшее гораздо меньшими ресурсами, не сделали для народного просвещения и десятой доли того, что сущела сделала Коммуна за 73 дня отчаянной героической борьбы не на жизнь, а на смерть известно, что во время первой осады вся научная и художественная жизнь замерла в Париже¹²⁾)

Можно с уверенностью сказать, что ни одно буржуазное правительство, находясь в подобных условиях, не сделало бы стольких лингвистических вопросов просвещения, как эта Коммуна рабочих ремесленников и трудовой интеллигенции, заседавшая в Парижской Ратуше с 28 марта по 21 мая 1871 года

Примечания.

1) О первых шагах генерала Центрального Комитета в министерстве народного просвещения Руэля (Edouard Rouelle) живописно известует часы Коммуны Жюль Вальян в своем автобиографическом романе «Писсургейт» (стр 195 — 199

- 2) Arnould t II, p 10⁷
- 3) Иссагаре (из «Колокола»), приложения стр 5 — 8
- 4) Journal des journaux de la Commune t I, p 114
- 5) Lanjalle et Corrèze p 160
- 6) Mendès p 152 «M Jules Valles affirme qu'Homeïc est une vieille bête Il est vrai que M Jules Valles est ministre de l'instruction publique»
- 7) Journal des journaux t I, p 181 — 182
- 8) Ibidem, t I p 175, p 181
- 9) Ibidem t I p 273, p 344
- 10) Ibidem, t II pp 41 — 42
- 11) Jules Clère pp 182 — 185
- 12) Journal des journaux t I p 15 p 130, p 143 t II p 309
- 13) Ibidem t I, pp 132 — 134
- 14) Несколько данных о жизни и деятельности Вальяна после Коммуны можно найти в книгах М. П. Пасловского «Франция и начало войны» (Москва 1918) и А. Зевасса «Огюст Бланки» (Петроград, 1922)
- 15) Членка Членка директора Чаконской библиотеки Юстины Жюльен des journaux t II p 194) и организация комиссии по музикальному делу Journal des journaux t II p 435
- 16) Тома стр 67 — 68
- 17) Ibidem, стр 290 По требованию духовенства Ернест Ренан императорские декреты (1861 г) был лишен кафедры в Collège de France» эти «эретические» взгляды на библию и христианство
- 18) Arnould t I p 121
- 19) d'Arsac p 313
- 20) Reclus p 246
- 21) Journal des journaux t II, p 475 p 524 p 559, pp 575 — 576
- 22) Maric стр 34
- 23) Audebrand p 213

- 24) d'Alsa p 474 p 473 pp 465—6 I 1er p 343
 25) Moret p 336
 26) Reclus, p 269
 27) Іукки стр 299
 28) Journal des journaux t I pp 187—189
 29) Ibidem t II p 194 Состав этой подкомиссии Андре Дюкоста
 Манье Рамо Сантана
 30) Стольес — Интернационал» Часть I (П 1918) стр 16 "2 92 113
 31 Dauvin p 60 Journal des journaux t I p 12^e
 32) Лиссагарра (из «Знание») стр 21
 33) De Pressense p 46
 34) Journal des journaux t I p 314
 35) Іукки стр 292
 36) Arnould t II p 129
 37) Simon pp 102—103
 38) Іукки стр 2^e—98
 39) Империя — пишет Симон — есть щедрая и расточительная что да
 нее ничего не стоило бросить 300 миллионов на Мексиканскую авантюру,
 тратить ежегодно 15 миллионов на содержание ядов заключения и 5 ми-
 ллионов на Кайеннскую азаторгу ассигновал в 1864 г на начальное и разово
 ные паковые суммы в 6 843 100 франков! Из тюрьмы генерала Морена на
 готическом заседании пяти Академий Института (16 августа 1864 г) видно что
 военный бюджет империи в 27 раз превышал бюджет народного просвещения
 (смоп p 116)

40) Более подробную таалуку см у Симона pp 10, — 106 О положении
 народных учительниц при II перин см же I 16

41) Simon p 108 p 130 ^e

42) Что касается бюджета Коммуны по итогамому образованию то 123
 меры его сожалению установить или не удалось так как никаких вечер
 плавающих сведений о нем то нас не дошло (Этот вопрос касается вообще
 не разрешения для истории Коммуны) В отчете прочитанном в заседании
 Коммуны 2 мая елецом финансовых Журнала (Journal des journaux t II
 pp 328—333) расходы из комиссии просвещения (с 20 марта по 30 апреля)
 составляют незначительную сумму в 1 000 франков Это дало повод некоего
 римского вратардеблем Коммуне реакционным историкам (Sempronius p 168
 Becker S 234) для насмешек и склонительных выводов что Коммуна
 якобы очень скучалась в распоряжении на просветительские нужды Но это
 неверно Мы знаем что коммуна увеличила жалование учителям и учитель
 ницам С другой стороны сумма в 1 000 франков взята из отчета Журнала
 который не является достоверным материалом для суждения о действительных
 размерах расходов Коммуны на дело народного образования Тот же Беккер
 (S 280) приводит правда уже по другому поводу показания члена Ком-
 муны Эрбера (Urbain) (занимавшего приоритетом образование в VII округе
 перед Версальским военным судом из оторого явствует то на просвети-

тельные нужды одного лишь VII округа легатом финансов было отпущено
 единовременно 4 000 франков в особой кассе Unterrichtskasse)
 в месяц названного округа

По свидетельству другого историка (Мориас p 237) толе сочиняющего
 Коммуну в скучности и неизвестности к нуждам просвещения выплата жало-
 ваных учителям и учительницам производилась в конечном просвещения
 и окружными унитипалитетами Но на эти последние согласно того же
 отчета Журнала Коммуна израсходовала вынительную сумму в 1 446 000 фран-
 ков! Сумма же в 1 000 франков ассигнованная на кончино просвещения
 (за время с 20 марта по 30 апреля) пошла по всей вероятности на соде-
 лание самих членов комиссии или ее административного аппарата

Коммуна нечестиво всего заставляет ущерба в равнодушии к вопросам
 просвещения Наоборот приходится скроем даваться какое виное часто
 отведено в скромном блокете этого «демократического правительства» (Маркс) рас-
 ходам на нужды просвещения Так например Национальную Библиотеку (за
 время с 20 марта по 30 апреля) ассигнован 30 000 франков

43) Beaussire p 216

44) В заседании Коммуны 3 мая 1871 года предложили использовать поме-
 сение коллежа под убежище для стариков и старух Ввар поддержав это
 предложение заявил «Никогда не нашели ничего более благоустроенного и
 отвечающего требований гигиены чем это заведение» Рейер возражал
 против этого проекта «Заведение неизвестно предначертано для очищения —
 говорил он — что кажется что я знаю мнение Бальяна на этот счет Это
 заведение приспособлено для изнуренных здания так же это грязь... збор
 давленные лабора ори и астрономические приборы которые стояли грязи
 ины денег Бальян Я добавлю только одно слово безусловно необходимо
 чтобы Коммуна сохранила это заведение для преподавания» Вопрос был решен
 в пользу очищения просвещения (Journal des journaux t II pp 325—326)

45) Lanjallec et Corrèze pp 408—409 — Ляйли незверно излагает этот
 термин Взрослые рабочие старше 40 лет приглашались в школу для ора-
 низации мастерских и обучения детей тому или иному ремеслу а не для
 того чтобы работать на получение знания мастера как ошибочно переводят
 Іукки слова «se presenter comme maîtres d'apprentissage» стр 293

46) Moriac p 288 Іукки стр 293

47) Lanjallec et Corrèze pp 402—403

48) Journal des journaux t II p 608 Андре Ло — литературный псев-
 доним гти Шамисса (Chamisso) писательницы социалистки автора несколь-
 ких оболгических произведений близко стоявшей к Коммуне и сотруд-
 никавшей в газетах La Commune и La Sociale она редактировала вместе
 с Бенуа Малюоном членом Коммуны за которого вследствии вышла замуж
 в изгнании известное обращение к французским крестьянам aux travailleurs
 des campagnes)

Анна Васильевна Жанар (1847—1897), русская дочь генерала тенентанта
 Юрия Крутовского зачужем за членом Центрального Комитета националь-

ной гвардии Виктором Жактаром. Во время разграбления Коммуны бела армия в Россию где в 1877 г. выпустила известную французскую хрестоматию Corvin Jaclard

- 49) Лукин стр 294 — 296
- 50) Иссагаров (изд «Знание») стр 208 Audreoli p 2 с. 6
- 51) Лукин стр 296
- 52) Mendès p 302

В голландских документов опубликованных Добаном p 346 имеется отрывок «демонстрации по прошествиию от 20 мая в заседании министерства с просьбою возможно скорее исполнить данное обещание — предоставить в распоряжение демонстрации некоторое количество оружия для обмундирования в шинельного твердения для раздачи его среди школьных учителей»

Генерал Аппер в своем отчете о деятельности военных судов дает цифру в 106 учителей освобожденных за участие в Коммуне («Rapport d'ensemble de M le général Apper sur les opérations de la justice militaire relatives à l'insurrection de 1871» p 261 — цитирую по Лукину стр 380

- 53) Иссагаров (изд «Знание») стр 294
- 54) Journal des journaux t II pp 22 — 423
- 55) Moriac p 180

56) Audebrand p 98 Moriac p 45 — 47 Студенты Политехнической Школы несли караулную службу во время черни II округа бывшей в первые дни после 18 марта центром сопротивления новой революционной власти d'Arsac p 86)

57) Favre p 258 О роли студентов в контрапропаганде революционных предприятий адмирала Сюса с см также Lepeletier t II pp 270 — 274 «La jeunesse des Ecoles»

- 58) Moriac p 47
- 59) Aignoult t II p 30

60) Beaussire p 218, Moriac p 112 Студенты не только бела из Парижа но даже сражались против Коммуны Среди добровольцев в версальском гарнизоне встречается много студентов семинарии у них на груди выпущено сердце с крестом (Учебник I 367)

- 61) Dauban p 184
- 62) Ibidem pp 130 — 136
- 63) Дебас стр 169
- 64) Journal des journaux t II pp 184 — 185 Это предложение после некоторого обмена мнения было отвергнуто и отослано назад в комиссии по просвещению как «мера внутреннего распорядка медицинского факультета»
- 65) Иссагаров (изд «Знание») стр 327
- 66) Герард p 52

67) Характерно то что об этих двух «совершенно неизвестных» личностях кое какие биографические сведения дает энциклопедический словарь Брюзера Еврона (1890 — 1897 по тома 1 и 10) который совсем учитывает

о существовании их предшественников смечтанных Коммуной телохранителей Версаля Кот и Ажа

68) Journal des journaux t II p 37
 69) Ibidem t II p 476 p 483
 70) Lasser S 24 Journal des journaux, t II p 223
 71) Journal des journaux t II p 475
 72) Reclus p 243 «О том в какой тяжелой атмосфере приходится работать в Национальной Библиотеке новому директору дает некоторое представление описание изучавшими в Добаном наимо «генеральского секретаря» четверти по прошествию от 15 мая адресованное повидимому военному ветерану и заключающее в себе просьбу о приемке двух революционеров для тирек тора библиотеки и его секретаря «старые стужающие (библиотеки) уволены квартал книги революционеры, необходимо чтобы эти граждане (директор и секретарь) были вооружены и могли отразить нападение на свою посту» (Dauhan p 308)

73) Journal des journaux t II pp 34 — 35, t II p 380
 74) Journal des journaux t II p 484
 75) Ibidem t I p 353
 76) Moriac p 156 — 7
 77) Journal des journaux t II pp 325, p 336 p 535
 78) Moriac p 236
 79) Journal des journaux t II p 545
 80) Ibidem t II p 361
 81) Ibidem t II pp 504 — 06 По распоряжению заведующего городским имуществом Фонтена (Ibidem p 526) «предметы искусства и ценные книги из дома Тиера перевезены в библиотеки и национальные музеи Это не помешало однако Жюлю Фавру, министру иностранных дел версальского правительства в своих мемуарах поэмы рабской лести перед Тиером говорить об этом секрете Коммуны как о «гигантском осквернении святыни чашкой забытых диктаторов в ее отстан впринципе перед уничтожением потоков стольких трудов безмолвных свидетелей стольких благородных учений и чувств» (Favre pp 387 — 388)

82) Journal des journaux t II p 380
 83) Ibidem t II p 533
 84) Lanjallec et Cortot p 331
 85) Иссагаров (изд «Знание») стр 335
 86) Journal des journaux t II p 394 В заседании Коммуны 1 пред наза 79 года (21 мая) Режер выразил недовольство что «Правительственный Вестник» не напечатал полностью всех призов вызванных обсуждением законопроекта Вальзана от 15 апреля театров «Это доказало мы нации времена что мы не настолько напуганы их угрозами чтобы не иметь времени заниматься вопросами под одного рода и сочинять независимость (уже не Journal des journaux t II p 610)
 87) Moriac p 334

88) *Journal des journaux* t II p 435 Вот состав этой комиссии Курю
Рауль Шарль А Реналь Геффр Ронье Эдмон Левро и Седлер

89) Иссагарэ (из «Знание») стр 327

90) Dauban p 133 Mendes pp 91—92 Этому противоречит одно лишь свидетельство Реклю (п 340) «Очень мало театров открыто и почти никто туда не ходит. Разве можно смотреть пятнадцатую трагедию смеяться шуткам или каламбурами когда наши стены дрожат и сотрясаются под бешеным напором ядер из свинца и стали. А вдруг они подадутся?» (цитирую по Быстрапскому, стр 113)

91) Moriac pp 427—428 см также Lepelletier t III p 298 Schell S 83

92) Moriac p 288 О долгое Руссель см *Journal des journaux* t II pp 47—48 или быстропски стр 113

93) Lauser S 295

93) Mendes p 287

95) Иссагарэ (из «Знание») стр 328 стр 337

16 мая (26 февраля 19 года) доктор Н Руссель обратился в редакцию умершей реабилитированной газеты «Verité» с письмом в котором излагал программу задуманного им грандиозного концерта в Тюльери в четверг 18 мая. «В поденье ворота цирка — писал он — распахнуты настежь перед огромным стечением народа! Оркестры музыки будут передвигаться вместе с толпой по длинным галереям останавливаясь время от времени чтобы своим мощными звуками возбуждать мужество и энтузиазм в каждом ком бьется сердце человека и гражданина.

Народные поэты (*des poètes populaires*) новые Тиртей будут читать свои вдохновенные поэмы (*oeuvres énergiques*)

Великий пророк «Возмездия» (*Châtiments*, ваши Вильгор Люо тоже не будет занят. Пусть стихи, которыми он беспощадно бичует изверга (*l'Inhumé*) погасят стены среди которых изверг в течение двадцати лет обдумывая все свои злодейства пусть замедлит его в плечо так как оправдания в его тронном зале красное железо великого мстителя (*le fer rouge du grand justicier*) (Max Du Camp t I pp 179—480

96) Lepage pp 153—154

97) Moriac p 203

98) Lepage pp 149—153

99) de Pressense pp 119—122

100) Во время коммуны в одном магазине к художникам Курбо писал «Париж этот великий город только что отрахнул с себя прах неправдного феодализма. Революция эта тем более законна и спрятанна что исходит от народа. Ее апостолы — это рабочие а ее Христос — Прудон» (Lepage p 147)

101) О Курбо см Clère pp 62—64 и прекрасный этюд Meier Graefe в журнале «Аполлон» за 1911 год (стр 12—22)

102) De Pressense p 121

103) О Федерации художников и ее деятельности см еще Enq sur la situation le 18 mars t II p 259 во взаимодействии с Генеральным комиссариатом народного просвещения

104) Иссагарэ (из «Знание») стр 327

105) Dauban, p 299 d Arsac p 514 de Pressense pp 117—118

106) Наир в заседаниях от 27 апреля (*Journal des journaux* t II p 183 и 3 мая (Индем стр 347—348)

107) Baron M de Villiers p 402

108) d'Alzac p 379

109) Audebrand p 21

110) De Villiers pp 397—398

111) Audebrand pp 21—23 О революционных клубах времен коммуны см еще A Debord L'École catholique et littéraire la 3 République t I pp 42—43

112) Йаррос стр 179

113) *Journal des journaux* t I p 350 t II p 183 t II p 3me

114) Индем t I p 448 О Грильяре см Иссагарэ (из Маркова) стр 8 приложении Йулия стр 266—7 Audebrand pp 268—264

115) Индем t II pp 265—269

116) Индем t II p 438 В состав этой комиссии вшли граждане Бонпар Кашнат Трэзье и Мио а

Из переименованных по постановлению коммуны улиц назовем «Итальянскую площадь» (XIII округ) переименованную в «площадь Дювалля» (*Journal des journaux* t I p 431) улицу Бонарпарт «VI округ» переименованную в «улицу 31 октября» (Becker S 135) и «Вантомскую площадь» переименованную в «Международную» (place Internationale) (Любрейль стр 212 и бульвар Османна» переименованный в «бульвар Вильгюра Люго (Andréoloni 276)

117) Иссагарэ (из «Знание» стр 297

118) Маркс стр 9

119) Любрейль стр 164

120) См Henri Delaborde «Les Artistes pendant le siège» (*Revue des Deux Mondes* mars avril 1871 pp 178—189)

Список цитированных книг.

- Andreoli E 1870 1871 Le gouvernement du 1 septembre et la Commune de Paris Paris 1871
- Arnould A «Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris» Tome I — III Bruxelles 1878
- Arsac J d' «La guerre civile et la Commune de Paris» Paris 1871
- Audebrand Ph «Histoire intime de la révolution du 18 mars» Paris, 1871
- Beaussire, F «La guerre étrangère et la guerre civile en 1870 et en 1871» Paris 1871
- Becker Bernhard «Geschichte und Theorie der Pariser revolutionären Kommune des Jahres 1871» Leipzig 1879
- Clerc J «Les Hommes de la Commune» Paris 1871
- Dauban A «Le fond de la société sous la Commune» Paris 1873
- Du Camp M «Les convulsions de Paris» tome I Paris 1878
- Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars Ton e II Versailles 1872
- Journal des journaux de la Commune Tome I II Paris 1872
- Favre J «Gouvernement de la défense nationale du 29 janvier au 22 juillet 1871» III partie Paris 1875
- Langalley P et Corrèze P «Histoire de la Révolution du 18 mars» Paris, 1871
- Lauser W «Unter der Pariser Commune Ein Tagebuch» Leipzig 1878
- Lepage, A «Histoire de la Commune» Paris 1871
- Lepelletier E «Histoire de la Commune de 1871» I II et III Paris 1913
- Mendes C «Les 73 journées de la Commune» Paris 1871
- Morlac E «Paris sous la Commune» Paris 1871
- Pressense, E de «Les leçons du 18 mars Les faits et les idées» Paris 1871
- Recus Fue La Commune de Paris Au jour le jour» Paris 1908
- Sempronius «Histoire de la Commune de Paris en 1871» Paris (s a)
- Scherr, J «Das rote Quartal Eine geschichtliche Episode (Marz Mai 1871) Leipzig (s a)
- Simon J «L'Ecole» 8 edition Paris 1874
- Villiers M baron de «Histoire des clubs de femmes et des légions d'amazones (1793 — 1848 — 1871)» Paris 1910
- Быстрицкий В «Очерки по истории Парижской Коммуны» Петроград 1921.

- Дюренель Л «Коммуна 1871 года» Пер Н Тютчева Петроград 1920
- Зеванс А «Огюст Бланки Пер и примеч А Горлинг Петроград 1922
- Лавров П Л «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года» Петроград 1919
- Лиссагаро Э «История Парижской Коммуны в 1871 году» Пер под ред Н Рожкова СПб Изд во Мягкова «Болоков» 1905 (Приложение — 43 стр)
- Лиссагаро Э «История Парижской Коммуны в 1871 году» Пер под ред В Базарова СПб Изд Тва Знание 1906
- Лукин Н (Н Антонов) «Парижская Коммуна 1871 года» Москва 1922
- Маркс К «Англо-французская война во Франции в 1870 — 71 гг» С предисловием Лихельса Пер под ред И Еленна Москва, 1919
- Тома А «Социалистическая история под редакцией Ж Жореса том X — Вторая Империя» СПб, 1908